

ISSN 0132-2095

БИБЛИОТЕКА

МОСКВА

№ 27 1991

Илья КОНСТАНТИНОВСКИЙ

ТАЙНА ЗЕМЛИ ОБЕТОВАННОЙ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 27

Издается с января 1925 года

Илья КОНСТАНТИНОВСКИЙ

ТАЙНА ЗЕМЛИ ОБЕТОВАННОЙ

Москва. 1991

Илья КОНСТАНТИНОВСКИЙ

Илья Давыдович Константиновский родился в пос. Вилково, на Дунае. Учился в Бухарестском университете. После того как Бессарабия вошла в СССР, поселился в Москве и стал писать на русском языке. Участник войны. Член Союза писателей СССР. Автор ряда книг, в том числе повестей: «Первый арест», «Срок давности», «Дело моего отца», «Варшавский сейдер»; романов: «Возвращение в Бухарест», «Цепь»; сборников эссе и документальных рассказов: «Книга странствий», «Города и судьбы», «Книга памяти», «Как свеча от свечи».

Израиль — древняя страна, Израиль — очень юная страна. История Израиля исчисляется веками. Но решение ООН, положившее начало современному израильскому государству, вынесено всего лишь сорок лет назад. Каков этот новый Израиль? В мире нет, кажется, страны с более кровавым прошлым. Но в мире и очень мало стран с таким неспокойным, противоречивым настоящим. Четыре войны с арабами, две нации, претендующие на одну и ту же землю и считающие каждая, что ее правда несовместима с правдой другого, — вот история современного Израиля. Почему так полярны мнения современников об Израиле? Главная причина всего того удивительного, сложного, порой совершенно необъяснимого, что происходит в современном Израиле и вокруг Израиля, то, что за в и д и м ы м Израилем есть параллельное ему н е в и д и м о е. Израиль видимый — очень маленькая страна, которую не стоит большого труда объездить — от Средиземного до Мертвого моря и моря Галилейского, от ливанской границы до границ Синайского полуострова и Эйлатского залива на Красном море. Но другой Израиль, невидимый, огромен. Он интересен, важен и дорог не только тем, кто в нем живет. Невидимый Израиль, древняя библейская Страна Обетованная, простирается вширь и вглубь до самых глубоких пластов мировой истории и человеческой психологии. Земля эта — колыбель трех великих религий: иудейской, христианской и мусульманской. Почему возникли они именно здесь? В чем тайна этой Земли?

Итак, священные древние руины и современное государство, постоянный межнациональный конфликт и перманентная война, массовая репатриация евреев на землю, которую они считают своей исторической родиной, и борьба арабов, не признающих еврейского государства, Страна Плача и Храмовая Гора, Голгофа, бриллиантовая биржа и социалистические коммуны — киббуцы — все это Израиль или вызывает в памяти ассоциации, связанные с Израилем. Что же такое Израиль?

ЗЕМЛЯ

Я увидел легендарную страну в дымке солнечно-мглистого сна.

Под крылом самолета на большой глубине молчаливо плыли ее волнистые поля, куполообразные холмы и желто-розовые селения.

И большой город, раскинутый на берегу бирюзового моря, тоже желто-розовый с каменными кубами домов, словно высеченных в одной скале и покрытых единой кровлей. Горизонт замыкала голая дикая пустыня. Там в туманности неба поднимались пепельно-серые мертвые дюны, но под нами был голубой и зеленый рай с цветущими лугами, садами и пашнями без единого клочка невозделанной земли, кроме темени холмов, покрытых диким зеленым и черным камнем. И эта удивительная страна постепенно увеличивалась, приближалась к глазам, таяла в синеве воздуха, тонула в солнечном свете и блеске. Неужели это не зелено-голубой мираж, а реальная страна — Израиль?

В моих туманных представлениях о природе библейской страны в ней должны были преобладать пески и логи, усеянные голышами и колючками. Я ожидал увидеть оливковые рощи и древние колодцы, у которых поят коз. Вместо этого уже по дороге из аэропорта Лод я увидел современную автостраду, проложенную по тесным от растительности долинам, цветущие сады, серебряные шары водонапорных башен и скопления домов, построенных в современном конструктивном стиле. Все дороги были обсажены могучими эвкалиптами и соснами. Я видел первую тайну этой страны: зелень Израиля. Это была тайна или чудо?

В тот же первый, хотя и неполный, израильский день за мной захватил Джеф и повез меня на автомобильную прогулку, чтобы дать, как он выразился, почувствовать Эрец Исраель — землю Израиля. И в течение нескольких часов мы мчались на ярко-желтом «ситроене» Джефа по шоссе и автострадам, перескакивая с одной дороги на другую, на короткое время свернули к морю, заехали в Натанию, где любовались ритмическим движением волн Средиземного моря, ничуть не отличавшихся от волн Балтийского или Черного моря. Мы мчались среди садов и плантаций, виноградников и хлебных посевов, то и дело въезжая в поселки самого разного типа. Я увидел длинные приземистые дома с подслеповатыми окнами, дома-ящики, дома-бараки, о которых Джеф сказал, что их построили тайманы — евреи из Йемена; такие дома давно уже не строят. Поселки для нынешних иммигрантов застроены пятиэтажными домами, стоящими на высоких бетонных опорах. Это красивые и удобные дома с широкими окнами, лоджиями и балконами; вместо первых этажей под этими домами разбиты цветники или устроены площадки для автомашин.

— Боже, сколько зелени! — сказал я, глядя на сады, померанцевые рощи, банановые плантации.

— О, да! — сказал Джеф. — Но еще лет тридцать — сорок тому назад ничего этого не было. Пески и камни, пашни, перемешанные со щебнем, одинокие затерянные селения — вот чем была Страна Обетованная до того, как в нее стали возвращаться евреи.

Джеф хорошо знал современную историю Палестины. Его рассказы о том, как она выглядела всего лишь три десятилетия тому назад, напомнили мне путевые заметки и стихи Бунина, который путешествовал здесь в начале века.

«От Галгала до Газы, — сказал проводник, — край отцов наших беден и дик. Иудея в гробах. Бог рассеял по ней семя пепельно-серых камней».

В начале века Палестина поразила Бунина своей нищетой, дикостью, запустением, исполнением пророчества о том, что земля эта должна стать «терном и волчцами». Теперь она поражала своими садами, рощами и посевами. Но время от времени все же обнажались и ее ветхозаветные черты: то вдруг невесть откуда появлялся ослик, навьюченный тяжелой поклажей, то раздавался меланхолический звон бубенчиков, и можно было увидеть верблюда, заросшего грязно-рыжей шерстью, невозмутимо бредущего по автостраде среди обгоняющих его автомашин последних американских и европейских моделей.

На обратном пути мы заехали в древнюю раскопанную археологами Кесарию, потом еще в какое-то поселение, где раскопки начались лишь недавно, и, пока я разглядывал мраморные капители античных колонн, обломки статуй римских богов и императоров, сосуды из обожженной глины для зерна, вина и масла, Джеф разговорился с пожилым человеком в шортах и белоснежной рубашке, который рассказал, что живет в киббце на севере Израиля, а в свободное время ездит по местам, где идут раскопки; археология — это его хобби. Когда он стал рассказывать о своем увлечении, я подумал, что истинное призвание этого человека — поэзия и поиски Бога... Но, может быть, это одно и то же?

— Представьте себе айсберг, — сказал археолог-любитель таким тоном, словно он собирался доверить нам большую тайну. — Айсберг показывает солнцу лишь маленькую часть своей массы, остальное скрыто под водой. Земля Израиля — это айсберг. Копните ее в любом месте, и вы натолкнетесь на следы богов и демонов пятидесяти народов, которые по очереди приходили завоевывать эту землю и обрушили на нее легендарные бедствия. Помните страшный сон Иезекииля? Ближе всех к поверхности Земли расположены здесь следы Древнего Рима и Византии. Поглубже — культура Древней Греции. Еще глубже — древняя Иудея. Потом Вавилон. Потом культуры Ханаанских племен. И так вплоть до бронзового и каменного века — вся история человечества. Вы знаете, что такое парсек? Это световой год астрономов, единица измерения расстояния до звезд. В археологии есть свой парсек. Посмотрите... — Он подвел меня к карьере, похожему на глубокую яму, и показал на какие-то бумажки, торчащие по ее бокам на разных уровнях. — Вот первые наброски измерения времени, когда было создано все то, что найдено в этом карьере. Парсек в археологии — это «посудный год», измеряющий время по черепкам посуды, которую находят в земле. Для каждой эпохи характерен свой способ обжига глины, по одному черепку

можно определить, к какому времени принадлежит сосуд. А эти бумажки указывают уровень, на котором были найдены различные черепки... Теперь пойдем дальше,— продолжал он, не отходя от ямы. Ему явно нравилось, что его внимательно слушают, и он продолжал:— Все построенные здесь в веках царства и дворцы давно распались, щебень и песок замели развалины, как сказано: «заросли дворцы их колючими растениями, крапивой и репейником — твердыни их». Однако то, что создано духом, живо и поныне. Эта земля—родина трех великих религий—иудейской, христианской и мусульманской. Тайна этой земли в том, что она рождает веру. Тридцать лет я разъезжаю по местам, где ведутся раскопки. Они ведутся всюду. В Израиле есть множество археологов-любителей, в моем киббуце есть археологический музей, которому мог бы позавидовать музей любой столицы. Бог ты мой, чего я только не узнал за эти годы. Археологи-профессионалы склонны считать Израиль с точки зрения археологии кладбищем, одним из самых красивых кладбищ человеческой цивилизации. Они не понимают, что материальные следы древности, развалины, обломки — все это само по себе отнюдь не самое важное. Тайну этой земли прозревают верующие, а не археологи. Для верующих это особая земля, над нею особое небо, в котором светится непознаваемая сила. Верующие вдыхают воздух Израиля и чувствуют в нем благоухание, о котором говорится в Песне Песней. Только верующий способен увидеть все три главных плана этой страны, неотделимые друг от друга, переходящие друг в друга, сосуществующие друг с другом: прошлое, настоящее и, конечно же...

— Будущее,— подсказал я.

— Нет. Вечное, бессмертное. Вы меня поняли?

Кажется, да... Этот любитель археологических находок, в сущности, искал Бога. Но он не ушел в пустыню, не жил отшельником в келье, а напротив, в коллективе киббуца. Позднее я убедился, что это особый тип, встречающийся здесь в самых неожиданных местах.

МЕРТВОЕ МОРЕ

1

«Взойди на гору сию, на гору Нево, что в земле Моавитской против Иерихона, и посмотри на землю Ханаанскую, и умри на горе, на которую ты взойдешь, и приложишь к народу твоему».

Эти библейские слова напомнил мне старый знакомый, бывший рижанин Цви, который после трех лет жизни в Израиле знал его лучше, чем многие из тех, кто здесь родились. Он и повез меня на Мертвое море.

Глядя на Моавитские горы, заступившие весь восток по ту сторону еще невидимого нам Ям а м е л а х — Соляное море, — как называют на иврите Мертвое море, Цви продолжал:

— Отсюда нельзя различить вершину Нево, она сливается с другими вершинами. Но она там, в таинственном моавитском краю. Оттуда Бог показал Моисею Землю Обетованную, предупредив его, что он сам туда не войдет. Никому не дано увидеть ни последствия, ни завершения своих дел, если дела эти по-настоящему значительны. Только издали увидел Моисей землю, в которую вел свой народ и умер на пороге, надо думать, в экстазе созерцания, хотя об этом ничего не говорится в книге Второзакония, сказано только, что Моисей умер там, в земле Моавитской, по слову Господню, и погребен в земле Моавитской, и никто не знает места погребения его. Я люблю этот символ. Я всегда думал, что мне надо исполнить свой долг, не заботясь о последствиях, которые мы все равно не увидим. А мой долг как еврея было вернуться сюда, в Израиль.

2

Мы выехали на машине Цви в ранний утренний час, когда еще тянуло прохладой. Я знал, однако, что мы едем в самую жаркую и бесплодную часть страны, в края, спаленные жгучим солнцем, лежащие на берегу мертвых вод, которые убивают все живое. Но, как и всюду в Израиле, действительность сильно отличалась от того, что я ожидал увидеть.

Мертвое море лежит на четыреста метров ниже уровня обыкновенных морей. Дорога в эту глубочайшую в мире низменность теперь уже не похожа на дикую, проложенную самой природой тропу, о которой писали путешественники, побывавшие здесь не в столь уж отдаленные времена. Они ехали на лошадях и осликах, встречая в пути лишь диких и нищих кочевников. Мы же ехали по автомобильному шоссе, которое отличалось от других израильских дорог лишь своим неуклонным спуском и табличками с цифрами: 200... 250... 300... 350..., показывающими, насколько уровень местности, по которой мы ехали, н и ж е уровня моря. Когда на дорожном указателе появилась цифра 400, мы выехали на ослепительно белый берег, окаймляющий синий, как у всех морей, водяной простор.

И еще одна особенность отличала эту дорогу, несмотря на широкие петли и изломы, ничто не напоминало обычный спуск в горах, где после каждого поворота видны в новом ракурсе горные склоны, поросшие травами, лесом или покрытые снегом. Здесь дорога падала среди одинаковых белых и желтых меловых холмов, кое-где прошитых черными кремневыми прожилками. Нас окружала пустыня, но не песчаная, а каменная, известковая, с множеством конусообразных бугров, похожих на потухшие вулканы, с логами, покрытыми солью, с ложами давно иссох-

ших потоков. От века бесплодная страна, спаленная жгучим солнцем. Стоило лишь слегка приоткрыть ветровое стекло, как нас обдавало горячим зноем; казалось, что жара льется не только сверху, от застывшего на огромном просторном небе солнца, но и снизу, сама земля будто дышала зноем, как перегретая печь.

Как странно было увидеть в этом пекле на синей поверхности моря сверкающие белые пятна, очень похожие на льдины. Это были плавающие куски соли, сверкающие на солнце. Даже первая бухта, которую мы увидели на берегу, казалась затянутой «льдом».

3

Мертвое море!

Уникальность этой земли, контрасты ее природы, необычность ее дорог, проложенных не только в пространстве, но как бы и во времени, связывающих время нынешнее, с его автострадами, с временем верблюжьих караванов, ее свойство оказывать влияние на духовную жизнь людей, я ощутил с особенной силой именно в день своей поездки к Мертвому морю.

Отсутствие жизни есть торжество смерти?

Все утро мы ездили по серо-белым песчаным берегам мертвых «асфальтических» вод и видели на каждом шагу, что мир этот отнюдь не мертв, а полон движения, жизни и примет титанического труда людей, возродивших эту землю после долгих веков запустения.

Указывая рукой на сплошную цепь скалистых холмов цвета пемзы, тянувшихся справа от дороги, по которой мы ехали, мой спутник Цви сказал:

— В сорок седьмом тут были найдены кумранские рукописи.

— Знаменитые «Рукописи Мертвого моря», которые нашел бедуин, искавший свою пропавшую козу?

— Да, да, бедуинский мальчик пас черную козу, а она забрела в пещеру, ну и так далее...

В другой раз, показывая на одинокие угрюмые камни, словно посыпанные пеплом, мой спутник сказал:

— Любой из этих камней может быть тем самым соляным столбом, в который превратилась жена Лота, когда она оглянулась на горящий Содом. Таких камней здесь много, и все они соляные. Но обратите лучше внимание на камни, которые вы видите на берегу моря. Они сложены в память о людях, которые, придя сюда, не оглядывались, а работали. Они построили эту дорогу и все то, что вы здесь еще увидите. За это многие из них убили жадно-трусливые бродячие разбойники, которые стреляли в них из-за угла. Однако край все же возрожден, земля, которая на века стала «терном и волчцами», возвратилась к жизни. Вы вскоре увидите серные источники, буйную зелень Эйн-Геди, современные отели и санатории, комбинат по добыче ценных солей и многое

другое. Еще Клеопатра пользовалась бальзамами, которые привозили с Мертвого моря. Такой жарко смолянистой воды, содержащей вещества с самыми различными свойствами, нет больше нигде в мире. Вы все увидите...

И я увидел Эйн-Геди — оазис, упоминающийся в Библии, тут долго прятался от Саула юный Давид. Оазис пережил иудейское царство, потом столетиями лежал в запустении, в летние месяцы здесь держится сорокаградусная жара, и нетрудно себе представить, каков был труд людей, которые снова создали цветущий сад в этой самой низкой и одной из самых жарких точек планеты.

Но еще до Эйн-Геди я увидел неожиданную картину: курортный пляж, устроенный по всем правилам современной курортологии, с кабинками для раздевания, тентами и душевыми, с рестораном и кафетерием, с площадкой для автомашин. Уникальность этого пляжа была в том, что купание здесь представляло собой удивительное зрелище: вода Мертвого моря до того насыщена солями, что она выталкивает всякое погруженное в нее тело. Купающиеся забавлялись, лежа на спине с закрытыми глазами, одни дремали, другие читали газеты, держа их над головой, на вытянутых руках. Мальчишки пытались нырнуть, но вода их выталкивала, переворачивала на спины, и они хохотали и оглашали пляж веселыми криками. И все это происходило на берегу Мертвого моря, о котором в старых книгах говорится, что волны его «тяжелы, как чугун», в бурю они «кипят, как рассол».

Позднее я увидел на берегу того же Мертвого моря многоэтажные бетонно-стеклянные корпуса отелей-санаториев, окруженных пальмами и тропическими растениями, элегантные строения, которые могли бы украсить и Ривьеру.

Но больше всего меня волновало не то, что я видел. Я весь день чувствовал себя окруженным образами из Ветхого и Нового Завета. Они возникали в моем воображении за каждым поворотом дороги. Я пытался представить себе, как тут все выглядело во времена древнего Рима, в дни, когда приходил сюда Иисус из Назарета и искушавший его дьявол показал ему «все царства вселенной во мгновение времени». Все мои смутные, беспорядочные мысли стремились связать то, что я видел, с удивительным прошлым этих мест, понять тайну этой земли. Разве не странно, что великие духовные трагедии человечества происходили именно здесь, в знойных горах, на берегу мертвых вод, среди камней, покрытых солью и селитрой, в жарком, как раскаленная печь, воздухе? Правда, некогда и природа была здесь другой. Содом и Гоморра тоже стояли где-то здесь — средоточием богатства и порока, пока: «...дождем пролил Господь огонь и серу, ниспроверг города сии, и всю окрестность их, и всех жителей, и все произрастания земли...» Но остались предания, остались легенды, увековеченные в Книге Книг.

На первый взгляд кажется, что мягкий, умеренный климат и мирная жизнь благоприятствуют творчеству. Но вот библейские об-

разы — эти высочайшие обобщения человеческой мысли, и истории возникли в раскаленной пустыне, где люди часто питались акридами и растениями. Высокая поэзия и мудрость, родившиеся на этой земле, связаны с ее природой или только с глубинной сутью живших здесь людей?

4

Я весь день был пьян от света, от блеска песков и вод, от жары, от мыслей. Когда я пытался представить себе все то, что по преданию произошло в этих местах, я терялся в противоречивых образах. Ведь где-то здесь, неподалеку от тех отличных дорог, по которым я сегодня проехал, скрывался Каин, «жаждущий крови брата своего». Здесь же дьявол искушал Иисуса: я видел издали Гору Испытания среди черных очертаний других иудейских гор. «И был Иисус там сорок дней, искушаемый сатаной, и был со зверями». И родилась легенда, быть может, самая глубокая из всех, что содержатся в Новом Завете, легенда о трех вопросах, заданных Иисусу Духом пустыни, трех искушениях, в которых образно выражены противоречия человеческой природы и три способа их разрешения: хлеб, поклонение чуду и власть. Все эти три средства устройства человеческого общежития основаны на подавлении свободы и потому были отвергнуты Иисусом, который хлебу, славе и власти земной предпочел свободу выбора и свободную любовь человека к Богу.

И все же почему именно с этими местами связано столько преданий и заветов, которые волновали множество поколений людей, родившихся очень далеко отсюда?

Влекомые таинственной притягательной силой, приезжали в эти края несчетные искатели сокровищ, монахи-иноки, отшельники, которые заживо погребали себя на берегах Мертвого моря, в ущельях Горы Испытания. Их имена забыты, могилы давно разрушены и сровнены с землей. В подвиге своего отшельничества обрели они духовный покой? Или его нашли те, кто пришел сюда не для уединения и тайного служения Богу, а с надеждой вновь обрести свою потерянную два тысячелетия тому назад родину? Отшельники уходили из мира, а эти, наоборот, поставили себе цель создать мир, отечество. Им удалось создать государство. Но вот уже четыре десятилетия оно ведет войну за существование, которая, как всякая война, рождает новые проблемы и умножает зло. Подвиг отшельников, погребавших себя здесь заживо, когда эта земля казалась забвенной навеки, доказывает, что человек способен пренебречь всем ради душевного спокойствия, признать главным в своей жизни свою душу и служить только ей. Но отшельники из пещер никогда не оказывали большого влияния на людей, живущих в миру. Не только приказы и насилие, но и проповеди не сделали мир более счастливым. А люди, приехавшие сюда в поисках новой родины, добились ли они большего?

В дни пребывания в Израиле я говорил со многими десятками таких людей. У каждого, конечно, своя история, свои горести и надежды. Одним из таких людей был и человек, который повез меня к Мертвому морю, — архитектор Цви. Я был знаком с ним еще с тех лет, когда он жил в Риге. И вот, оглянувшись в последний раз на покрытый вечерними тенями Моав, я спросил своего спутника:

— Хорошо вам здесь живется, Цви?

— Хорошо, что я здесь, — ответил он. — Я приехал сюда не потому, что питал какие-то особые надежды, а потому, что с пятнадцати лет понял, что мое место здесь. Я не раз встречал людей, которые живут здесь много лет, значительно дольше меня. Однако эти люди только физически здесь, а духовно они все еще там, где начинали свою жизнь. Такие люди нередко уезжают отсюда, подыскивают себе новый Египет. Поезжайте в Иерусалим — там больше всего людей, которые не могли бы жить в другом месте. Иерусалим означает «видение мира». И хотя нет мира в современном Иерусалиме, но там вы скорее поймете главную особенность Страны Обетованной.

— Что вы лично находите плохим в Израиле?

— Это маленькая страна с большими проблемами. Если говорить о проблемах безопасности, обороны, отношения с соседями, то это объективная ситуация, от нас не зависящая. Проблемы эти решаются. Но есть другое, то, что зависит от людей, от нас самих. Лично мне не нравится местный социализм. В течение двадцати девяти лет здесь правило правительство социалистов. То, что они сделали, никого не устраивает. Выяснилось, что социализм нельзя построить ни в борьбе с капиталом, с долларом, ни даже за доллары. Смешно, не так ли? В Израиле были люди, которые, видимо, серьезно верили, что они устроят социализм при помощи долларов, которые страна получит от американских евреев. Этого не получилось. С социализмом ничего не получается при самых разных обстоятельствах.

— Вас много лет не выпускали из страны, которая официально именует себя родиной социализма. Может быть, это влияет на ваше мнение о социализме?

— У меня нет предвзятых мнений. Я ведь не реакционер какой-то, не капиталист и не поклонник капитала. Здесь, в Израиле, мне не нравятся не только социалисты, но и некоторые из их противников. Особенно те, кто считают, что среди израильтян есть разные категории, что так называемые «черные» африканские евреи будто бы хуже «белых» европейцев и американцев. Однажды я прочитал в какой-то газете брачное объявление: «Европеец желает познакомиться с европейкой...», ну

и так далее. Таких людей я не только презираю, но ненавижу. То, что такие люди есть в Израиле,—это самое плохое, что я здесь нашел.

— А что здесь самое лучшее?

— Приезжайте в дни политических и военных кризисов, и вы увидите другой Израиль. Сегодня вы видели один из природных уголков страны, показывающий, до чего она неодинакова, разнообразна. Э р е ц И с р а е л ь — это не один, а несколько миров, с точки зрения природных данных. Но вы еще не видели А м И с р а е л ь — народ Израиля. Его, впрочем, надо не видеть, а ощутить. Самое ценное в нем — это не внешнее, а внутреннее. В дни напряжения и опасности эти внутренние качества народа раскрываются, их видит каждый.

МОРЕ ГАЛИЛЕЙСКОЕ

1

Моя вторая далекая поездка в Израиле была в Галилею.

Я с волнением ожидал встречи со страной Генисаретской и Тиверидским озером, морем Галилейским, которое израильтяне зовут К и н н е р е т, от древнееврейского слова к и н н о р, обозначающего древний музыкальный инструмент — арфу. Озеро лежит в глубокой впадине и напоминает своими очертаниями огромную арфу, раскинутую на ста сорока пяти квадратных километрах. С восточной стороны над ним нависают Голанские высоты, переходящие в громаду Хермона.

О водах этого озера я слышал уже в первые дни своего приезда в страну. Киннеретская вода — особая сказочная вода, та самая живая вода, что сделала возможным нынешнее возрождение Страны Обетованной. Она растекается по трубам в самые отдаленные районы, обращаясь в пути в хлебные поля, сады и плантации, оживляя пески, покрывая зеленым ковром каменные холмы. Вода в Израиле всегда обладала прямо-таки волшебной силой, там, где она была, земля становилась раем. Но когда страна была покинутой и безлюдной, древние источники и оазисы сохранили на ней лишь отдельные зеленые пятна. Для воскресения былого легендарного плодородия этого было слишком мало. Современное земледелие требует научно разработанной системы орошения, которая стала возможной в Израиле только благодаря водам Киннерета.

Израильтянам присущ научный подход к решению хозяйственных задач. Нефти в стране нет в достаточных количествах, и вот приходится получать энергию от солнца. Всюду можно увидеть на крышах домов металлические серебристые бочки от агрегатов, улавливающих солнечное тепло и превращающих его в энергию, необходимую для дома. Неустанно заняты израильтяне и проблемой очищения морской воды от

соли. Здесь давно работают установки по превращению морской воды в пресную, но стоит это дорого, и потому изобилие сельского Израиля все еще зависит пока от воды Киннерета.

2

Мы выехали из Тель-Авива по уже знакомому мне иерусалимскому шоссе, проехали Иерусалим, не останавливаясь, и выехали на дорогу, ведущую в ветхозаветный мир Иудеи с его пустыми кремнистыми долинами и россыпями красного дикого мака. Чем дальше от Иерусалима, тем круче падало шоссе. Каменным волнистым морем падает вся Иудея к Иордану и Мертвому морю. Однако мы вскоре свернули на север, и иудейская пустыня сразу же оборвалась высокими скалистыми стенами, нависшими над каменным городком, окруженным зелеными садами, — Иерихон; название, сразу же воскрешающее библейские образы и легенды. Иерихон Ханаанский был первым городом-крепостью на пути израильтян после исхода из Египта, сорокалетнего блуждания в пустыне и смерти Моисея. Город взял Иисус Навин, после того как священники обходили его неприступные стены семь дней подряд. На седьмой день они обошли их семь раз: «Когда же в седьмой раз священники трубили трубами... обрушились стены города до основания и народ вошел в город и взял город». Страшным заклятием заклял Навин разрушенный до основания Иерихон: «Проклят перед Господом тот, кто восстановит и построит город сей Иерихон». Однако это не только город, а прежде всего оазис, и потому он не исчез с лица земли; сады его, примыкавшие к тропическому райскому саду иорданской долины, продолжали цвести, и жизнь в них не прерывалась. Евангелие говорит, что в дни Христа эти места были столь прелестными, что дьявол именно здесь искушал Иисуса на Горе Искушения, что около Иерихона.

Как всюду в Израиле, название мест, городов и селений заставляет непроизвольно связывать бурное и сложное прошлое этой земли с настоящим, тоже не отличающимся простотой и ясностью. Не только земля здесь подобна древним пергаментам, п а л и м п с е с т а м, в которых один текст начертан на другом, но и нынешняя жизнь на ней имеет свои скрытые стороны.

Но вот мы въехали в Иерихон... Мы увидели в нем все то, что я уже видел в других арабских городах: старые каменные дома, построенные без всякой заботы об архитектуре, старые кипарисы, старые пальмы. И мусор, наваленный кучами на тротуарах. И кофейни, в которых сидели арабы и курили, пили кофе, играли в карты или кости, а то и просто ничего не делали и глядели в пустоту темными, печальными глазами. У той кофейни, перед которой мы остановили машину, за столиком, вынесенным на тротуар, сидел негр, крупный, толстый, с черным, как антрацит, лицом, на котором блестели капли пота; он во что-то играл с сидящим за тем же столиком пожилым арабом в кефии. Видели мы

в Иерихоне и полутолых мальчишек, играющих с облезлыми собачонками.

Но вот мы выехали из города. Зелень сразу кончилась, как будто оборвалась, и мы опять оказались в известково-печальной местности, в какой-то глухой и бесплодной долине. Хотя мы теперь ехали к Иордану, казалось, что и впереди ничего нет, кроме пепельно-серых холмов и песчаных дюн. И опять невольно вспоминаешь, теряешься в образах Старого и Нового Завета. Вглядываясь, видишь белые домики Иерихона среди зелени иерихонского оазиса и нависшую над городом громаду какой-то горы. Это и есть Гора Испытания? Здесь, где мы едем, только пустынная земля, в которой «злак не прозябает».

Неожиданно пейзаж местности, по которой мы ехали, стал другим. Это произошло как-то сразу, я не успел заметить, где именно началась чудесная перемена. Дорога как будто была все та же, которая шла из Иерихона, но откуда взялись эта зелень, эти посевы, рощи и плантации?

Мои спутники объяснили мне, что случилось.

— Мы теперь опять едем по израильской территории. Мы пересекли старую границу Израиля до шестидесят седьмого года, так называемую зеленую линию. Как видите, ее не случайно так называют. Здесь все зелено, все цветет.

Чем дальше, тем зеленее и ярче становился пейзаж. Справа уже видна была долина Иордана: вдоль темной ленты зелени вьется узкая серебристо-блестящая нить реки. Дорога, по которой мы ехали, близко к ней не подходит. Дорога идет между аккуратно размеченными посевами, пардами, между зелеными рощами и растениями, похожими на хлопок. Вся страна, лежащая окрест, радует своими приметами упорного человеческого труда. И я вспоминаю то, что уже не раз слышал: самые богатые поселения Израиля находятся в Галилее в районе Тивериадского озера.

Солнце уже клонилось к западу, к Иерусалиму, откуда мы выехали несколько часов тому назад. Близится Тивериадское озеро.

3

Вот оно блеснуло впереди: огромная равнина чудесного зеленого тона. На первый взгляд оно показалось мне похожим на венгерское озеро Балатон. Но нет, Киннерет больше, шире, мощнее. Это и в самом деле настоящее море — море Галилейское.

Я глядел на него очарованный. Стекла машины были открыты, и я почувствовал близость воды. Как будто и не было еще час тому назад голых скал, оврагов и ущелий, обдуваемых горячим дыханием Иудейской пустыни. Не было пустыни, не было безлюдных, покрытых солью пространств. Здесь дул ласковый ветер, воздух был чист, прозрачен, пахуч. Поражало не только само озеро — воздушно-зеленое, безбрежное, но и берега, заросшие вербами, плакучими эвкалиптами, акациями, тра-

вами. Такого обилия и разнообразия растительности я не видел даже на берегах Дуная.

Мы остановили машину на берегу зеленой бухты под двумя огромными эвкалиптами и решили искупаться. Вода была теплой, парной, как говорят в России. Мне кажется, что никогда в жизни не испытывал я такого блаженства, как от погружения в эту зеленую, прозрачную и кажущуюся бездонной воду. Купание в прохладном Балтийском море тоже часто доставляло мне удовольствие, но его нельзя сравнить с тем, что я испытывал в Киннерете. Вода казалась здесь живой, хотя и молчаливой, задумчивой. Все, что я видел здесь, поражало своей красотой. Киннерет, вероятно, одно из красивейших мест на земле.

Но волновала здесь не только красота. Я вспомнил легенды, связанные с морем Галилейским. Все чистое, благородное, что было в раннем христианстве до того, как оно стало церковью, институцией, опорой князей и государственного насилия, расцвело именно здесь, на берегах этого чудесного озера. Иерусалим — место мученичества и завершения легендарной жизни Христа. Галилея — край его детства и юности, протекавших в тишине и бедности. В Кане Галилейской, Капернауме, Магдале родились самые глубокие притчи Учителя. Здесь он нашел и призвал первых своих учеников, людей самого простого звания — рыбаков. «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыбаковы». Здесь были сказаны слова о том, что блаженны нищие духом, блаженны изгнанные за правду, ибо им принадлежит царство небесное; блаженны плачущие, ибо они утешатся; блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся; блаженны милостивые, ибо они помилованы будут; блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят... И где-то тут же, поблизости, хотя уже не у озера, а на горе, родилась *На г о р н а я п р о п о в е д ь* — это сжатое выражение всего того нового, что принесло христианство в мир: «Вы слышали, что сказано древним: «не убивай; кто же убьет, подлежит суду». А я говорю вам, что всякий, гневящийся на брата своего напрасно, подлежит суду... Вы слышали, что сказано: «око за око, и зуб за зуб». А я говорю вам: не противься злу. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду... Вы слышали, что сказано: «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас».

Удивительные ощущения испытывал я на берегу Киннерета. Чудные виды природы и радость купания не мешали мысли и воображению... От откровения в пустыне и заветов Синая прошли века исторического развития Израиля, прежде чем в том же народе родилось христианство. Почему оно родилось именно в этой стране? Сам Иисус говорил Самаритянке: «Вы не знаете чему кланяетесь; а мы знаем, чему кланяем-

ся, ибо спасение от Иудеев». Века, прошедшие от возвещения заветов Синая, были бурными и кровавыми. Насилие управляло миром, в том числе и Иудеей. Державный Рим был ее хозяином, когда была сделана попытка пойти дальше заветов старого закона: не только «не убий», но и не осуждай, не противься злему и люби своих врагов. Могло ли это осуществиться в мире, в котором и заветы Синая никогда не были осуществлены? Прошло еще девятнадцать веков от рождения уже самой Нагорной проповеди — помешала ли она насилию? Что изменили наста-вления Христа в мировой жизни, в жизни самих христиан, в деяниях христианских князей и государств? Но существует ли другое средство победить зло, неправду и несправедливость мира, кроме этого наивного, как будто вовек неисполнимого, бесконечно трогательного: «кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую... и кто захочет взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду»?

...После купания мы отдыхали на берегу, наслаждаясь тишиной, теплом, блеском воды. Этот час на берегу Киннерета был одним из счастливейших в дни моего знакомства с Израилем.

4

Солнце уже садилось, когда мы приехали в Тивериаду. Как только солнечный свет погас, над темнеющим озером поднялся ветер, и оно заволновалось, как настоящее море. Мы проехали главную улицу Тивериады, идущую вдоль набережной, и увидели, что нам негде припарковать машину: город оказался буквально множеством автомашин, автобусов и шумными толпами людей, не похожих на туристов; среди них было много религиозных евреев в своих специфических одеждах. Вскоре мы узнали, что все эти толпы возвращаются с горы М е р о н, что около Цфата, где похоронен рабби Шимон ба Йохай — Р а ш б и. Вчера был праздник Л а г — Б о м е р, а это традиционный день паломничества на могилу святого рабби, написавшего первую кабалистическую книгу восемнадцать веков тому назад.

После Тивериады дорога шла в Верхнюю Галилею. Машина неслась теперь вверх, не мешало бы вести ее осторожно, но наш водитель, недавний москвич, уже усвоил себе манеру очень многих израильских водителей, ни с чем, кроме своего темперамента, не считаясь, что, как мне говорили, стоит стране очень дорого: в дорожных происшествиях гибнет, пожалуй, больше людей, чем в войнах с арабами.

Итак, наш водитель вел машину на всей доступной ей скорости, в вышине, над очертаниями гор, мелькали яркие звезды Галилеи, а далеко внизу белела излучина Тивериадского озера, моря Галилейского. Когда наша машина вдруг воспарила над ним, мы увидели его во всю его безбрежную ширь вместе с очертаниями Голанских высот, кажущихся исполинскими.

Горы вскоре отступили, мимо шоссе мчались уже апельсиновые рощи, а впереди были рассыпаны огни Цфата.

Отель «Герцль» в Цфате.

Его хозяйка, Сарра, высокая, черная, властная старуха, узнав, что я из России, похвастала своим личным знакомством с Зеевом Жаботинским и другими известными русскими сионистами. Первых сионистов, добавила она, и видно было, что ей сделалось грустно. Сарра хорошо говорила на идише, но сказала, что ее поколение последнее, которое еще знает этот язык, молодые говорят уже только на иврите. Семь поколений ее предков жили в Цфате, и когда она была девушкой, здесь все говорили на идише. Иврит как разговорный язык пришел сравнительно недавно. Это тоже сделал один русский еврей — Элиезер бен Иегуда. Он первый заговорил на иврите, и многие называли его за это безумцем. Но вот весь Израиль говорит теперь на иврите. А прежде этот язык, л у ш н к о й д е ш, как его называли, святой язык, считался слишком хорошим и непригодным для будничной жизни; на нем можно было обращаться только к Богу.

После ночи, проведенной в прохладной, чисто выбеленной комнате на первом этаже с окном, выходящим на каменную терраску, я ранним утром вышел в сад. В нем цвели олеандры, а рядом со старым черным кипарисом я увидел абрикосовое дерево, обсыпанное спелыми плодами. Но самыми интересными деревьями в гостиничном саду оказались смоковницы. Их было пять или шесть очень старых деревьев с очень толстыми, хотя и невысокими стволами, образовавшимися из сплетения мощных, жилистых ветвей, обнявших друг друга и завязанных мертвыми узлами. Каждый такой ствол был похож на колонну-фундамент, из которой росли новые тонкие ветви. Всем обликом своим смоковницы были похожи на какие-то странные существа, окаменевшие в странном танце. У основания туловища смоковницы были черно-зеленые, повыше они становились медными и оранжевыми. Что эти смоковницы очень стары, можно было понять сразу, едва взглянув на них. Но то, что сообщила хозяйка гостиницы, проходящая по двору, когда я их разглядывал, ошеломило меня. Сарра сказала, что счет жизни этих смоковниц измеряется тысячелетиями, вот эти деревья выдержали дожди и бури, ураганы и землетрясения полутора, может быть, даже двух тысячелетий. Жизнь дерева, кажущаяся столь эфемерной, способна устоять перед той силой, которая дробит камень, превращает горы в пыль и прах, перед течением времени.

Гуляя позднее по Цфату, я убедился, что время в этом городе следует измерять именно тысячелетиями. Город раскинут на холмах, его улицы проложены по скатам, иногда они кажутся пробитыми в камне. То и дело натыкаешься на груды больших и малых камней, в одних местах ведутся раскопки, в других строятся новые дома. В крохотных седи-

ках цветут розы, воркуют горлинки. Все здесь старо, очень старо, но уже появились первые пластинчатые, многоэтажные железобетонные дома, на крышах уже торчат телевизионные антенны, по ветхозаветным каменным переулкам разбегаются не козы, а автомобили.

Наряду с Иерусалимом и Хевроном Цфат считается одним из священных городов Израиля. Он славен не тем, что в нем сохранились какие-то важные памятники старины. Здесь никогда не было богатых дворцов и храмов. Город дорог тем, что он один из духовных центров иудаизма. В его бедных каменных домиках жила мысль, жил Бог Израиля в те времена, когда уже не существовало ни израильского государства, ни Иерусалимского храма. В Цфате Иосиф Каро написал свой «Шулхан-арух». Здесь написаны и другие книги, почитаемые уже века. А то, что совершил здесь рабби Ицхок Лурия — Ари, живший четыреста лет тому назад и умерший тридцати двух лет от роду, может послужить примером бессмертия мысли, если только она нуждается в примерах.

Человек тысячелетия трудится на земле, создавая материальные и духовные ценности. Далеко не все, что он создает, сохраняется. Но вот Ари так истолковал книгу Зохар, написанную за полторы тысячи лет до него, что положил основание средневековой кабале. Позднее в Цфате обосновались целые школы кабалистов. Это ли не изумительное доказательство, что и через тысячелетия мысль, если она настоящая, способна совершить новый скачок, новый виток по спирали вверх? Можно, конечно, сказать, что движение происходит ужасно медленно в сравнении с отдельно взятой человеческой жизнью.

«Но что значит время в истории иудаизма?» Это сказал мне старый житель Цфата, который оказался чем-то похож на Сарру, хозяйку цфатской гостиницы. И он продолжал так:

— Дух творчества — это и есть история евреев. Именно она часто сердила других, возбуждала зависть и ненависть. И это несмотря на то, что евреи дали другим народам едва ли не больше, чем самим себе. Кто измерит вклад, внесенный евреями уже в современную эпоху, в законы духа, законы общества и законы науки? Гитлер был, пожалуй, вполне логичным и последовательным, когда говорил Раушнингу: «Мы подняли знамя богов природы, евреи насадили нравственность, совесть и дух в мире». А ученые нацисты подняли уже знамя борьбы с «еврейской физикой». Борясь с Эйнштейном, они вряд ли думали о том, что продолжают дело, начатое еще на заре эпохи патриархов. Ведь это Авраам, сын Тереха, первый разбил идолов своего отца, за что был осужден на сожжение, но вышел из огня живым и пошел в Ханаан. С тех пор евреи не раз разбивали идолов других народов, хотя осуждение и преследования сыпались на них еще и потому, что вместо старых идолов они же нередко создавали новых и охотно поддавались соблазну суеверия, что можно и нужно «изменить» мир.

Я долго кружил по Цфату в поисках «синагоги Ари» и обнаружил не одну, а две синагоги, стоявшие друг против друга в тесном каменном переулке. Лет полтораста тому назад сильное землетрясение разрушило ту синагогу, в которую ходил Ари, от нее осталась груда камней. Со временем возникли споры о ее местонахождении и были построены две синагоги — одна сэфардская, в ориентальном стиле, с разукрашенными стенами и веселым, ярким «урен-койдеш» — ящиком для хранения свитков торы, а другая простая, деревянная, своим простым обликом напоминающая бедные местечковые синагоги Польши и старой России. Войдя в нее, я увидел двух стариков, завернутых в полосатые талесы, которые расхаживали между деревянными скамейками и молились, не обращая ни на кого внимания.

Прежде чем покинуть «синагогу Ари», я разговорился с молодым человеком, по виду учеником религиозной ешивы, который сидел у входа на каменной скамеечке. У него была яркая рыжая борода, рыжие пейсы и умные светло-рыжие глаза. На мой вопрос, чем он занимается в Цфате, он ответил: «Менернт». Это означало, что он что-то изучает. Вопрос, что именно здесь изучают, его удивил. Бог ты мой! Столько есть на свете мудрых книг, столько толкований Торы, которые сами еще ждут своих толкователей. Вот ведь и знаменитый Ари только истолковал то, что написал полторы тысячи лет до него Шимон бар Йохай, и это стало новым словом, о котором говорят по сей день.

Я спросил молодого ешиботника, что он думает о государстве Израиль и о его армии. Он ответил:

— Разве это наша армия? Это войско Божье. Разве мы сами могли бы устоять против Египта и Сирии, которым помогал весь арабский мир, и не только он? Ведь на деле мы воевали и с Россией. По обычной логике вещей мы давно должны были бы разбежаться, а если этого не произошло, значит, так хочет Бог. Все в его руках и он всюду...

Юноша говорил тихо, но с глубоким убеждением. Он был хорош в своей искренности и вере. Но я не был хорош, и я спросил: «Если Бог всюду — значит Бог был и в Освенциме?» Не глядя на меня, мой собеседник сказал: «Я не могу судить о путях Господа. Не могу входить в его расчеты, и мысли его недоступны моим мыслям... Но, скажите, разве не в Германии евреи хотели перестать быть евреями и говорили: «Будем как немцы, среди которых мы живем, и тогда они нас полюбят»? Я возразил: «В Освенциме погибли не только немецкие евреи. И не только те евреи, которые хотели перестать быть евреями». — «Да, может быть. Не знаю. Я не могу знать путей Господних. Но я знаю, что именно в Германии лет сто пятьдесят — двести тому назад, появились маскилим, и то, что они начали, перекинулось позднее на Польшу и Россию: трагическая попытка евреев отказаться от своего еврейства. Немецкие евреи были первыми, кто преклонялся перед своими будущими палачами».

Я не стал продолжать этот тяжелый разговор. Я ведь давно знал, что Освенцим — это конец всякого разговора. А также всякой логи-

ческой, рациональной мысли. Можно лишь прибегнуть к словам и понятиям, которые сами по себе тоже спорны и таинственны. От одного польского священника я когда-то услышал: «Освенцим — не человеческое дело. Это от дьявола». Израильский религиозный юноша заслонялся от Освенцима тайной Божьих помыслов и тем, что он «не может войти в расчеты Бога». Может быть, французский антисемит, профессор Фориссон нащупал самый перспективный путь: тотальное отрицание фактов? Не было Освенцима, заявил Фориссон. Его статьи вызвали протесты, скандал, но у него сразу же нашлись последователи. Может быть, лет через пятьдесят никто уже не будет сомневаться? Не было Освенцима! Нет больше нужды искать ему объяснение...

6

После посещения «синагоги Ари» я еще долго бродил по Цфату и забрел в квартал, облюбованный местными художниками. Это целый городок, в центре которого есть «Центральный выставочный зал» с постоянной выставкой-продажей картин, нарисованных в соседних домах и мастерских. Я увидел пейзажи Цфата и его окрестностей в том виде, как их ощущают местные художники, и картины на библейские темы, написанные в разных стилях. Были тут и реалистические полотна, и холсты, заброшенные буйными красками, перечеркнутые таинственными линиями и знаками. Были и вещи, похожие на талантливые детские рисунки. Художник, подписывающий свои работы именем козочки из пасхальной Агады, нарисовал целую серию ярких, пестро разукрашенных картин, иногда смешных, иногда до смешного нелепых. Мир, увиденный глазами козочки?

Ближе к вечеру я побывал на вершине горы в «Цитадели» Цфата. Следов бывлой крепости там осталось уже мало. На горе стояли только могучие, старые, жилистые сосны. Они стояли, открытые всем ветрам, искривленные, натянутые, напряженные.

Цфатскую «Цитадель», вероятно, можно было бы назвать теменем Галилеи. Отсюда открывается головокружительная панорама с далеким Киннеретом на дне. За озером видна тонущая в солнечном тумане долина Иордана и неясные очертания Моавитских гор. На востоке — четкий силуэт Хермона. А на юге и севере вся Галилейская страна с ее волнистыми, куполообразными холмами, рощами, посевами, селениями, виллами, дачами. Небо над Галилеей глубокое, синее, без единого облачка. Хотя солнце уже склонялось к западу, еще чувствовалась дневная жара. Тишина, солнце и изредка набегающий теплый ветер.

Глядя на этот дивный мир, я опять вспомнил рабби Ицхока Лурия А р и и все пытался представить себе его в плоти и крови. Каким он был, этот юный мудрец? Как он жил? Как протекала здесь сотни лет тому назад жизнь книжника, углубленного в драмы мысли? Чем он питался, какие у него были житейские заботы? Любовался ли он природой Гали-

леи? Как бездонно ее небо. Как радостно ее солнце! Отражалась ли красота природы в мысленных страстях кабалиста? Четыре века тому назад он не слышал здесь, в Цфате, гула моторов, не видел над городом зарева электрических огней, а только далекий холодный звездный огонь. Человек стоял здесь на вершине один — маленький, физически беспомощный, затерянный в мироздании, как муравей, но думающий, упорно и глубоко думающий. О чем? Не об Арафате, о котором только что так горячо говорили в нашей машине по дороге в «Цитадель». И не о зарплатах и ценах на квартиры в Бруклине, о которых рассказывал нам вчера бывший ленинградец, живущий теперь в Тивериаде. Мысли людей, которых я даже представить себе не мог, но все время думал о них с тех пор как узнал о поразительном подвиге молодого ученого Ари из Цфата, были сосредоточены на другом: на отношении человека к мирозданию, к Богу. Единственной реальностью для них была душа с ее тайнами. Разумеется, и смерть. Но кабалисты вызывали иногда к Тори в синагоге и давно умерших. Первым это, кажется, сделал тот же Ари. Он считал смерть тела лишь освобождением души из темницы?

...От встречи с Галилеей осталось в моей памяти ощущение радости, счастья, испытанного на зеленом берегу Киннерета. И смутная, не вполне осознанная печаль, которую пробудила во мне удивительная история жизни Ари, человека, извлечшего из книги, написанной за полторы тысячи лет до него, новое сцепление мыслей, способное преодолеть еще одну ступень на путях познания. Эта история сильно поразила меня. Но как мало я о ней знал! Каким бедным и тусклым казался мне здесь, в Галилее, тот мир, в котором я прожил свою жизнь.

ИЕРУСАЛИМ

1

Путь из Тель-Авива в Иерусалим маршрутное такси пробегает за сорок пять минут. Дорога сначала идет по слегка волнистым полям, среди зеленых посевов, потом начинает подниматься в гору, становится петлистой, углубляется в ущелья среди горных склонов, поросших лесом, воздух свежее, одно ущелье сменяется другим, кругом каменные котловины, каменные ковриги, перевалы.

Хотя в такси все время гремело радио, передавая футбольный матч, и когда «Макаби — Натания» забила третий гол в ворота «Макаби — Тель-Авив», наш водитель в припадке отчаяния бросил руль, и машина чуть было не вылетела за обочину шоссе, это не помешало мне ощутить неповторимость и единственность шоссе Тель-Авив — Иеруса-

лим. Мы ехали в тот предвечерний час, когда в свете уже низкого солнца зелень казалась золотисто-синей, впадины и щели в горной породе черными, а на белое шоссе уже пала легкая пепельная тень.

Когда дорога стала петлять и ползти вверх, я увидел на обочине шоссе какие-то странные металлические предметы, похожие издали на огромных красных мух. Мой спутник пояснил, что это остатки сгоревших здесь бронемашин, оставленных на дороге в память о войне за независимость Израиля. Видели мы и тяжелые и словно вросшие в землю строения монастыря м о л ч у н о в, послушники и монахи которого дают обет молчания; во время первой израильско-арабской войны именно этот монастырь оказался в середине н о м а с л э н д а, ничейной земли, и простиривался с двух сторон. Потом на краю шоссе возникло странное сооружение из деревянных палок, похожих на оглобли. Это тоже след войны, объяснил мой спутник, — любительский монумент в память, о прорыве арабских линий и быстром уничтожении армий, обрушившихся в сорок восьмом году на новорожденный Израиль.

— Вся земля здесь пропитана кровью войны сорок восьмого года, — сказал мой спутник.

Я невольно улыбнулся: он забыл, что кровь лилась здесь уже тысячи лет тому назад. Разве не в одном из этих котлованов «взял посох свой в руку свою Давид и выбрал пять гладких камней из ручья и поразил Голиафа»? Этой же дорогой, вероятно, проходил и Навуходоносор, о котором сказано, что он «пахал Сион». Тут прошли и легионы Тита, который «Выше стен загрозил Иерусалим трупами». Предал его огню и другой римский император — Адриан. Стократ погибал в крови и пламени этот гордый, строптивый город. Однако никакой меч и топор не сумели его выкорчевать, он всегда возрождался. История здесь часто повторялась. Последнее возрождение города произошло уже в наш век. В этот раз старые хозяева Иерусалима и всей страны снова завоевали Ханаан, но уже трижды: деньгами, трудом и силой.

Впереди показались каменные кубы домов желто-золотистого цвета, но мой спутник предупредил, что это еще не Иерусалим, а один из жилых поселков, построенных в самые последние годы и окружающих теперь сплошным кольцом исторический Иерусалим. Строительство вызвало споры, потому что в нем нет ни одной черты старого Иерусалима. Однако в старом городе уже негде строить жилые дома.

— Теперь есть уже не один, а три Иерусалима, — сказал мой спутник. — Старый город, окруженный сарацинскими стенами, еврейский Иерусалим, такой, каким он сложился до и после образования государства, к нему примыкают теперь поселки, нечто вроде городов-спутников на холмах вокруг Иерусалима, и восточный — арабский Иерусалим, в котором мало что изменилось за века. Но ты все увидишь сам.

И я увидел...

Много дней бродил я по Иерусалиму. Потом дважды в него возвращался. Я объездил на машине его окрестности и стены старого города. Исходил его и пешком от Яффских ворот до Ворот Сиона, Ирода и Зеленых Ворот. Я был на горе Сиона, на Масличной горе, в Гефсиманском саду в долине Иосафата — место грядущего Страшного Суда. Я видел арабский квартал Иерусалима, где ничего не изменилось со времен последнего крестового похода и где можно видеть все то, что доступно глазам в любом арабском городе. И я видел еврейский Иерусалим, где все в непрерывном движении и изменении. За пять минут можно пройти из средневекового арабского города в бурно растущий еврейский Иерусалим, сочетающий ультрасовременную технику, преследующую одну цель — удобство и простоту, со всей сложностью ультрасовременного искусства. На просторном дворе и в залах Израильского музея последнее поражает и уточненностью, и наивным примитивизмом. В маленькой полуподвальной синагоге, построенной во дворе больничного комплекса Х а д а с а, оно создает картину удивительную по живописной прелести своей: куполообразный потолок этого молитвенного дома весь в цветных витражах, которые под льющимися снаружи лучами израильского солнца переливаются яркой симфонией красок, задуманной и выполненной кистью Марка Шагала.

Есть ли в мире другой город, где бы соседствовали и сочетались столько памятников, равно дорогих верующим трех разных религий? В старом Иерусалиме, заключенным в зубчатые сарацинские стены, нет ни одной улочки, постройки, с которой не было бы связано какое-нибудь предание, нет камня, который не поведал бы какую-нибудь старую притчу. Но все это столько раз разрушалось, что историки и археологи с большим трудом могут установить, кто что построил, кто разрушил, кто восстанавливал. Стократ погибал в крови и пламени этот город, но всегда возрождался. После иудеев и римлян городом владели арабы, турки, потом христиане, потом снова мусульмане. Каждая эпоха, каждый правитель оставляли здесь свои следы. Если в давно прошедшие века завоеватели не оставляли камня на камне от мятежной столицы иудеев, то после признания Иерусалима священным городом здесь действовали разрушители особого рода, считавшие себя благодетелями, как, например, немецкий кайзер Вильгельм, который воспылал желанием передать Иерусалиму частицу своего кайзеровского величия и построил нечто вроде малых Бранденбургских ворот у входа в улочку, которая никуда не ведет.

Иерусалим, единственный в мире большой город, значительная часть обитателей которого живут в нем лишь потому, что они считают это богоугодным делом. Всякому живущему здесь, по убеждению верующих, искупаются его грехи. Искупаются грехи и погребенного здесь, не говоря уже о том, что он здесь ближе всего к Долине Иосафата, места, где будет трубить рог, возвещающий о начале воскрешения из мертвых.

Несмотря на шум, суету и интенсивность движения на иерусалимских улицах, не отличающихся от того, что происходит в любом большом городе, приезжий не может не обратить внимания на одну особенность уличной толпы: людей в черном. Они резко отличаются от всех остальных. Жарко греет солнце, в воздухе ни ветерка, а эти люди одеты с ног до головы в черное. Черные люстриновые пиджаки или длиннопольные лапсердаки, твердые черные шляпы, иногда даже меховые лисьи шапки — единая великая форма евреев ортодоксов, евреев хасидов. Традиция веры повелевает им носить эти одежды, очень не подходящие для иерусалимского климата. И она же запрещает им прикасаться к лицу бритвой. Вот проходят по улице прелестные девушки в мини-юбках или джинсах, молодые люди в шортах и кедах, интуристы в ярких курточках, белых шапочках и темных защитных очках от солнца. А рядом шагают ученики религиозных семинарий — ешиботники в длинных пиджаках, в черных шляпах. На бескровных щеках п е й с ы — черные завитые косички. Вот проходят дети в черном: они тоже носят пейсы, похожие на колокольчики, обрамляющие конфетно-детские личики. На первый взгляд кажется, что люди в черном участвуют в разнообразной городской жизни наряду со всеми. Но если присмотреться к ним повнимательнее, особенно к выражению их лиц и глаз, нельзя не увидеть в них и какой-то отрешенности. Иерусалим для них не тот зримый город, в котором живут все остальные его обитатели. Люди в черном по-своему, по-особому воспринимают Иерусалим. У них особые заботы, для них это не только город, в котором они живут, но прежде всего город памяти, духовная вселенная, которую все остальные не видят, не ощущают.

Особенно много людей в черном встречаешь в старом городе, когдаходишь в него через Яффские ворота. Здесь начинается восточный базар: пахучие ряды арабских лавчонок, где торгуют коврами, медной посудой, сырами, фруктами, мясом и, разумеется, сувенирами. Тут же в крохотных кофейнях пьют кофе и курят кальян, в мастерских шьют из овчины жилеты и телогрейки. Эти каменные ряды-улучки не шире пяти-шести метров покрыты сверху холстами и дранкой, в них царит вечная полутьма, ни солнца, ни неба не видно, создается впечатление, что весь базар покрыт единой кровлей. Непрерывная людская река течет здесь с утра до вечера. Пестрая река, в которой все смешалось, черные халаты и лисьи шапки хасидов, полосатые платки арабов, схваченные на голове обручем, мини-юбки и шорты с черными, белыми, красными сутанами всех монашеских орденов, которые только есть на свете. Струятся, смешиваются здесь и самые разные языки. В этой пестрой толпе три главных потока: одни спешат к Стене Плача, другие к Гробу Христа, третьи к знаменитым мусульманским мечетям Омара и Аль-Акса. Но нередко евреи, христиане и мусульмане спешат в одно и то же место, священное для всех трех религий.

Стена Плача.

В первый раз я увидел ее в свете яркого утреннего солнца с каменной площадки, на которой помещался контрольный пункт охраны святыни. Отсюда Стена была видна вся — громадная, сложенная из квадратных и четырехугольных камней розовато-песочного цвета, чьи контуры обозначены проросшим в расщелинах мхом. У ее подножия был просторный каменный двор, полный людьми, несмотря на ранний утренний час.

Я долго смотрел на Стену, прежде чем спуститься вниз и подойти к ней вплотную. Она первобытно проста, мощна. От всего великолетия Храма Соломона, одного из чудес древнего мира, ничего не уцелело. Больше всех остерегались искать его следы как раз религиозные евреи из страха случайно ступить на то место, где была Святая Святых. И святыней стала для них Стена, громадная руина — остаток наружных укреплений горы, на которой стоял великий храм и где стоят теперь две мусульманские мечети.

Двор у подножия Стены разделен на две половины невысоким деревянным барьером: справа у Стены стояли женщины, слева — мужчины с полосатыми талесами на плечах. Они стояли и раскачивались, как это часто делают молящиеся евреи. Одни молились громко и страстно, другие произносили слова молитвы жалобно, покорно слабыми дрожащими голосами.

Поражало разнообразие лиц и типов. Тут были библейские старцы с белыми бородами и длинными седыми пейсами, но и немало крепких, загорелых молодых людей с крохотными кипами на буйно заросших черным волосом головах. Справа от меня стоял американец в белой туристской шапочке, в светлом костюме из тонкой фланели и темных красивых очках. А моим соседом слева был худенький синеглазый юноша в солдатской форме, который левой рукой придерживал свой автомат, а в правой держал старый растрепанный молитвенник... Сколько разных лиц! Сколько горячих глаз! Сколько чувства и веры в лицах и голосах! Веры во что — в ветхозаветного Бога евреев?

Не так уж долго нужно постоять у Стены, чтобы понять, что это нечто большее, чем символ веры или воспоминание о древнем Святилище Израиля, материальный след его бывшего великолетия. Эти грубые камни, обтесанные и сложенные вместе две с половиной тысячи лет тому назад, каким-то непостижимым образом соединили, сплести воедино несоединимое: прошлое и настоящее, грубую материю и дух, мучительную печаль и страстную радость. Не Стена победила время. Это Израиль сразился с временем и не умер. Поколения страдающих людей приходили сюда выражать свою скорбь. Даже если это были не религиозные

люди, они чувствовали волнение. Здесь, у Стены, ни один еврей не отрицал своего еврейства, что нередко случалось в повседневной жизни.

Закинув голову, я глянул вверх и увидел нежное, бледно-голубое небо Иерусалима. Воздух был необыкновенно прозрачен и чист. Станным светом блистали уходящие ввысь камни Стены. И то замирал, то возрастал стон молящихся. Иногда он сливался в единый хор, а иногда распадался на отдельные страстные выкрики. Вдруг я услышал женский плач. Взглянув по ту сторону барьера, где стояли женщины, я увидел, что плачет хорошо одетая пожилая дама, в красивой белой шляпке и легкой узорчатой шали, накинутой на плечи. Она поднесла к губам платочек, пытаясь унять рыдания, но это ей не удалось, она вся сотрясалась от горького плача. И я вспомнил: «Плачет Рахиль по детям своим и не может утешиться, потому что их нет».

Сколько Рахилей плакали у этой Стены за два тысячелетия?

4

Храм Гроба Господня...

Войдя в старый Иерусалим через уже знакомые Яффские ворота, в тот вечерний час, когда шум арабского базара уже стих, мы свернули налево и углубились в лабиринт каменных улочек армянского квартала. В этот час все здесь было закрыто и немо, открытыми оказались только несколько лавчонок, в витринах которых горящие лампы освещали продаваемый в них товар: крестики, свечи, ладанки. Пройдя несколько каменных переулков, мы вошли в каменный двор, стиснутый с трех сторон слепыми стенами. Четвертая стена, вся в строительных лесах, была фасадом храма Гроба Господня.

Но это не один храм, а два, слипшиеся друг с другом, входящие друг в друга, строившиеся и перестраивавшиеся в разные времена. Один храм греческий, в византийском стиле, другой католический, латинский. Разные приделы и часовни. Всюду какие-то ходы, переходы, мраморные лестницы. Одна из них, наружная, поднимается к вершине небольшого холма, тоже накрытого каменным куполом. Неужели это Голгофа — одна из величайших святынь мира?

Мы вошли в храм.

Внутри еще труднее было разглядеть и понять, что есть что. Опять ходы, переходы, красиво инкрустированные двери, у которых стражниками стоят монахи в черных рясах. Из этих дверей то и дело выходят какие-то делегации священников и монахов. Впереди идут распорядители с жезлами и посохами. Все шествует ко входу в погребальный Вертеп, спускаются в него, что-то там делают, а затем идут обратно с торжественными лицами, как у членов важной делегации, успешно выполнившей свою миссию.

Здесь все время служат, постоянно совершаются какие-то церемонии и обряды. Служат и в греческом, и в католическом соборе, и на

Голгофе, служат на разных языках по разным ритуалам. В Вертепе жар и блеск свечей и лампад, теснота, голоса и плач молящихся. Не только лежанка — место могилы Христа, но и Голгофа, и весь храм Гроба Господня кажутся задавленными мрамором, позолотой, богатыми иконостасами и драгоценными лампадами. И старым, очень старым соперничеством между разными церквями. Пришедший сюда со мной старый житель Иерусалима, Амир, мне кое-что рассказал об этом, пересказав то, о чем нередко пишут в иерусалимских газетах. Главными хозяевами святых мест христианства давно стали римско-католическая и греко-православные церкви. Но и другие церкви, поменьше, постоянно претендуют на свою долю и, поскольку издревле почитаемые места прочно заняты, рядом с ними иногда искусственно создаются новые. Слушая эти рассказы, я вынужден был думать не только о смысле жертвы распятого, но и о том, как неизбежно, неотвратимо влияет на всякое учение о г а н и з а ц и я, любая организация, институт, учреждение. Не если это тайное средство дьявола, не побежденного в веках? Не мне пришел в голову этот странный вопрос — я вспомнил, что его задал однажды Лев Толстой.

5

Мечеть Омара на Храмовой горе.

Гора эта священна для всех трех религий. Здесь стоял и Первый, и Второй иудейский храм, и потому эта гора — один из символов Израиля. И в этом же пространстве, судя по рассказам евангелистов, на паперти иудейского храма проповедовал Иисус. Теперь здесь стоит одна из святынь ислама — мечеть Омара, покрывающая Камень Мориа.

Мечеть Омара — это прежде всего произведение искусства. Ее мраморный восьмиугольник, ее величественный сарацинский купол, увенчанный золотым серпом полумесяца, даже ее ослепительно белый каменный двор, в котором сохранились несколько ветхозаветных серебряных слив, — все поражает красотой, соразмерностью, тонким художественным вкусом. Такой майолики, таких изразцов, таких живых и нежных красок я никогда не видел, хотя видел немало произведений искусства и архитектуры, изумляющих своим изяществом и богатством.

Мечеть Омара громадна и видна издалека, кажется, даже из-за Мертвого моря. Внутри она озарена светом своих драгоценных цветных окон. В сочетании с золотистым мрамором, мозаикой, парчой и золотой вязью надписей это создает ощущение какого-то сказочного царства. Но самое поразительное здесь как раз то, что создано не человеком, а природой: Камень Мориа.

Посреди мечети стоит восьмиугольная колоннада: восемь столпов и шестнадцать колонн. За этой аркадой высится другая — круг из четырех столпов и двенадцать колонн, поддерживающих барабан с куполом. В круге, за бронзовой решеткой, лежит огромный камень, похожий на

верхушку скалы или морщинистую застывшую глыбу вулканической лавы. Это и есть Камень Мориа, который упоминается в Библии и древних легендах Иудеи, в Талмуде, в Коране, в Кабале.

Камень Мориа — «основание, от которого Бог начал создание мира». На Камне Мориа первый человек принес первую жертву Богу и на этом Камне Авраам собирался принести в жертву своего сына Исаака. На нем же было «основание лестницы, ведущей на небо», которая открылась Иакову и на которой он «боролся с Богом». На камне Мориа, когда он был внутри храма Соломона, первосвященник ставил курящуюся кадильницу. На нем же стоял Ковчег Завета и лежал вечноцветущий жезл Аарона. После разрушения храма Ковчег Завета был снова скрыт в тайниках под Камнем, где сохранял его от врагов и сам Соломон, которому Камень «давал неземную силу: с него видел царь весь мир, от края до края, и понимал язык зверей и птиц». С этого Камня, по исламским преданиям, Магомет вознесся на своем верном Эль Барке на небо, к вратам рая, совершив беспрецедентный в истории религий и войн прыжок, от которого остался след, видимый и поныне, — глубокая выемка, оставленная, как верят мусульмане, копытами кобылы пророка. В толковании людей, не приемлющих ислама, — это всего лишь желоб, по которому стекала кровь жертвенных животных.

Когда я глядел на Камень, у меня возникло ощущение, что это не скала, и не застывший кусок лавы, а какое-то допотопное существо, которое улеглось и окаменело навсегда. А может быть, этот Камень — космический обломок, залетевший на землю из иных миров?

Осматривая мусульманские мечети, невольно думаешь о разнице между святыми местами Иерусалима. Евреи рыдают у Стены Плача, жадно покрывают ее поцелуями и ведут нескончаемый диалог со своим Богом, нередко и спорят с ним... Христиане плачут в жарком и душном Вертепе, каждый возносит молитвы по правилам и канонам своей церкви... Здесь же, у Камня Мориа, царит тишина, молчание. Застывшие в неподвижных позах правоверные мусульмане шепчут иногда свои молитвы, но нередко кажется, что они дремлют или мечтают. Куда устремлены их неподвижные взоры? Они следят за чудесным прыжком — полетом своего пророка, устремившегося верхом на коне завоевать вечное блаженство? Неподвижная глыба Камня, которая по исламским преданиям когда-то «раскачивалась между небом и землей», стала символом неподвижности, законченности, прекращения роста?

Покидая мечеть Омара, я видел, как молодой араб без формы, но вооруженный, как солдат, внимательно следил за туристами, которые снимали свою обувь, перед тем как проникнуть в святилище. А минут через двадцать я видел, как израильские солдаты проверяют сумки и портфели тех, кто направляется к Стене Плача. В этом отношении святыни Иерусалима находятся теперь в равном положении, духовенству всех трех религий предоставлена полная свобода заведовать, охранять и регулировать доступ к своим святыням по своему усмотрению. Не все-

гда так было. Одним из парадоксальных последствий возникновения государства Израиль было изгнание, отлучение евреев от самой большой своей святыни — Стены Плача. С сорок восьмого по шестьдесят седьмой год и победы Израйля в «Шестидневной войне», все годы, пока восточный Иерусалим, где находится Стена, был под управлением Иордании, ни один еврей не мог к ней приблизиться и прикоснуться к камням, отшлифованным еврейскими слезами. В те времена и христианские паломники не были вполне свободны в своих передвижениях. Посещая страну Иисуса, им приходилось путешествовать по маршруту, противоположному евангельскому: сначала они посещали старый Иерусалим, места, связанные с концом истории жизни Христа, а уж потом, переехав в Израиль, отправлялись в Галилею к истокам его юности. При этом им следовало еще запастись двумя паспортами, так как виза Израйля на любом паспорте делала его недействительным в глазах арабов. Своего отношения к печати Израйля ни одно арабское государство, кроме Египта, по сей день не изменило, но христианским паломникам уже не нужно пересекать границы Иордании, чтобы посетить святыне места христианства.

Но ведь все это характерно не только для наших времен. В той или иной форме это длится уже века. И мне даже кажется, что именно на истории Иерусалима и всего того, что произошло здесь между евреями, мусульманами и христианами, с особой ясностью видно то бессильное, темное, что присуще человеческой природе, то, что по сей день не смогли окончательно победить ни разум, ни вера. В чем причина этого бессилия?

6

Верующие трех религий издавна живут в Иерусалиме рядом. Уже не один век они видят одно и то же небо и одну и ту же землю, которую одинаково почитают. Если бы они лучше присмотрелись друг к другу, они поняли бы, что, несмотря на разницу своих верований, обрядов и молитв, основа веры у всех одна. Кто же как не соседи, живущие бок о бок, на одном клочке земли, одинаково святой для всех, должны были бы питать друг к другу чувства близости и уважения? Но как известно, в Иерусалиме этого никогда не было. И уже не в средневековье, а в наше время здесь уничтожались синагоги, опрокидывались надгробия на старых кладбищах. Евреи, отвоевав Иерусалим, ничего подобного не делали. Но разве нет и среди них фанатиков, готовых употребить силу, чтобы вернуться на Храмовую Гору, где теперь стоят исламские мечети? Мне здесь рассказывали о таких людях, их вовемя раскрытых безумных планах, не встретивших, к счастью, никакого сочувствия.

«Воздух Иерусалима делает человека мудрым», — сказано в древних книгах. Испытываешь склонность этому поверить, когда вдыхаешь этот чистый, сухой, прозрачный воздух. Но этого уже не скажешь, когда

приглядываешься и прислушиваешься к кипению политических страстей, характерных для современной иерусалимской жизни, к борьбе и соперничеству израильских политических партий и к арабской «интифаде» против государства Израиль.

Один из моих иерусалимских собеседников, пожилой человек с аскетическим лицом, выпуклым желтым лбом и черной бородой — точно такое лицо я видел на полотнах Шагала, — желая объяснить мне уникальность города, сказал: «В Иерусалиме иногда прозревают слепые. Но случается, что зрячие ничего не видят. Бывает, что парализованные отбрасывают здесь свои костыли, а люди с крепкими ногами никуда не приходят. Обычно это участь тех, кто сваливается к нам с небес в аэропорту Лод, после того как они преодолели тысячи километров пространства. Они, однако, неспособны преодолеть время и остаются в плену сиюминутного времени тех стран, откуда они прилетели...»

Может быть, это так. Но в чем все же причины распрей, разногласий, нетерпимости даже между людьми, принадлежащими к одной вере? Я уже упоминал о духе соперничества между христианскими церквями, ощущающемся в самом святом месте христианства, в Храме Гроба. То же самое есть и у евреев. В Иерусалиме даже существует еврейская религиозная секта *Нетуре карта*, что означает «стражи города», которая не признает еврейского государства.

7

Я выхожу из машины моего друга Амира, который привез меня в район *Мэа Шарим*, где живут иерусалимские евреи ортодоксы, самые строгие ортодоксы, в том числе и члены «Нетуре карта». Оглядываясь, и у меня возникает ощущение, что я попал в белорусское или украинско-еврейское местечко начала века. Все, что я вижу, мне знакомо по литературе и д и ш начала века, а также по полотнам Шагала: узкая кривая улочка, бедные, запущенные дома, убогие лавчонки с покривившимися вывесками, ни единого деревца. Правда, не видно ни скрипача на крыше, ни нищего в валенках, с торбой на плечах; нет коров и козочек. Но все остальные шагаловские фигуры и типы на месте. И все они куда-то торопятся, бегут. Вот пробегает старик, как будто сбжавший с кладбища. Он в белом халате-саване, в погрязших туфлях и в тяжелой лисьей шапке. За ним спешат два молодых человека тоже в белых саванах и круглых меховых шапках. Вот идет женщина в черном монашеском платье и белой косынке, полностью закрывающей волосы, которых у нее, вероятно, нет — строго религиозным евреям полагается остричь свои волосы и носить парик. Я пытаюсь заглянуть в открытую дверь какой-то лавчонки, но хозяин, обрюзгший человек без пиджака, выскакивает из-за прилавка и испуганно машет на меня руками. «Шабес! Шабес!» — кричит он. И я понял: наступает суббота, как говорил бабелевский Гидали, и евреям надо в синагогу.

Медленно иду вдоль улицы. Вглядываюсь в обветшалые стены домов, покосившиеся крыши, немытые стекла. Боже мой, я вернулся на сто — полтора столетия назад? Все, все приметы еврейского местечка тех лет здесь сохранились. Все на своем месте. Все есть. Даже городской сумасшедший на месте. Он молодой, веселый, очень подвижный. Одет как все: длинный сюртук, похожий на халат, черная твердая шляпа; жиденькая рыжая борода, глаза веселые и в то же время безумные. Услышав русскую речь, он приходит в неистовое возбуждение и подскакивает к нам: «Руссо? Москва?» — «Да». Тут он внезапно дико захохотал и закричал на всю улицу: «Брежнев? Кагебе? Ха-ха-ха!»

Чтобы отделаться от него, мы нырнули в какую-то калитку и оказались в синагогальном дворе. У входа в пустую синагогу нас встретил старый служка-ш а м е с. Я спросил его, много ли есть синагог в районе. Он ответил, как и полагается местечковому еврею, вопросом: «А кто их считал?» «Сколько жителей в Мэа Шарим?» «Кто может это знать? Мы не подчиняемся государственным переписям. Нас, как баранов, не считают». «Вы не признаете государство Израиль? Это же еврейское государство». «Государство, которое не правит по законам Торы, не может быть еврейским государством. До еврейского государства еще далеко. Сначала должен прийти мессия, он и учредит еврейское государство. А нынешнее государство мы осуждаем». «Вам не нравится правительство?» «Почему только правительство? Нам не нравится и кнессет, и муниципалитет. Мы их не признаем». Он сделал паузу, усмехнулся и добавил: «А кого евреи когда-нибудь признавали?»

Мне запомнилось посещение Мэа Шарим и разговоры с его обитателями, погруженными в молитвы и изучение религиозных материй. Почти вся жизнь проходит здесь для мужчин в е ш и в е — религиозной семинарии или колледже. Есть ешивы для юношей и холостяков и ешивы для женатых. Кого бы я ни спрашивал, чем он занимается, ответ был однозначен: «Я учусь в ешиве».

На первый взгляд многое в Мэа Шарим напоминало, конечно, еврейское местечко начала века. Но все же это не Галиция, не Волынь, а Иерусалим конца двадцатого столетия. Из разговоров с е ш и б о т - н и к а м и выяснилось, что им отнюдь не чужда современная цивилизация. Они ездят в машинах, летают на самолетах, пользуются телефонами и компьютерами. Эти фанатики веры живут в современном городе, полном соблазнов и пороков. Как же им удалось сохранить в неприкосновенности не только ритуалы и обряды, но и черные одежды, меховые шапки?

Мне кажется, что в образе жизни и даже во внешности ешиботников из Мэа Шарим тоже видны некоторые глубинные особенности судеб веры в городе веры Иерусалиме.

Я пробовал обсудить это с моим спутником Амиром. Но он принадлежал к тем израильтянам, которые не скрывают своей неприязни к «людям в черном». Амир говорил: «Ими управляет не вера, а ритуал.

Посмотрите, как они калечат своих детей. Что будут делать в жизни эти несчастные дети — крутить пейсы и раскачиваться во время молитвы? Работать они не умеют. Разве государство Израиль возникло из молитвы?» «Но, может быть, и без молитв оно тоже не возникло бы? Традиционное заклинание «В будущем году в Иерусалиме!», которое евреи повторяли из года в год почти два тысячелетия, не сыграло никакой роли в том, что произошло в Палестине наших дней?»

Можно ли, находясь в Иерусалиме, не присмотреться к этим стран-но наряженным людям, к старикам в белых халатах и меховых шапках поверх ермолок, к юношам и детям с черно-синими пейсами? Можно ли не задуматься о роли, которую они играют в сложной, многослойной и многоплановой действительности современного Израиля? Эти фанати-ки веры — тоже ведь одна из примет Страны Обетованной, причем именно та, что была присуща ей долгие века.

...В мое последнее иерусалимское утро я опять объехал его древние стены, еще раз побывал на знаменитых холмах, любовался склонами Элеона, тонущими в солнечном мареве, прошел к долу Иосафата, месту грядущего Страшного Суда, которое ныне заполнено несметными пла-ми еврейского некрополя, поваленными, раздробленными ударами времени, но не только его одного. По дороге в Вифлеем видел я и оди-нокий каменный куб склепа с куполообразной крышей и древнееврей-скими письмами на фронте: К е й в е р Р у х л — гроб Рахили.

Как и во все остальные дни пребывания в Израиле, я видел следы его легендарного и бурного прошлого, смешанные с приметами не ме-нее сложного настоящего. Цветы и пальмы, померанцевые и оливковые ро-щи, сады и виноградники напоминали о Песне Песней.

«Встань, возлюбленная моя! Выйдем в поле, поутру, пойдем в вино-градники, посмотрим, распустились ли виноградные лозы...»

Древние руины, забвенные могилы, смоковницы и оливы, магнолии и олеандр, желтые пески, перемешанные с щебнем, — все это Земля Обетованная, которая в легендарные времена «текла молоком и медом», потом стала пустошью, веками лежала в запустении, рождая только мак, пока снова, уже в век нынешний, возродилась на ней историческая жизнь. Но вот худые, сожженные солнцем юноши с короткими автома-тами на плечах, солдаты ЦААЛ — армии обороны Израиля, которых можно видеть на перекрестках дорог, автомашины с разбитыми ветро-выми стеклами, в которые швыряли камни мальчишки — активисты араб-ской «интифады», — это тоже Земля Обетованная, приметы неутиха-ющего, не находящего решения противостояния между людьми, кото-рые связывают с этой землей столько воспоминаний, равно дорогих, равно священных и иудею, и мусульманину.

Но главная Земля Обетованная все же не эта, а другая, рождающая у разных людей, как верующих, так и неверующих, счастливое волнение, почти смятение. Вызывает это чувство красота и очарование всего види-

мого, а также тайна невидимого, о котором только догадываешься. Какая-то умиротворяющая душу радость витает над этой землей. Все-таки радость, а не печаль воспоминаний. И она требует коренного изменения всего того, что есть внутри человека, и всего, что есть вокруг него. Каждого человека, будь то христианин, мусульманин или иудей.

КИББУЦ

Нельзя рассказывать о Земле Обетованной, а тем более о современном Израиле, не коснувшись одной уникальной особенности этой страны, известной во всем мире под названием К и б б у ц. Это слово означает коллектив, точнее говоря, коммуна. На самом деле это нечто большее. Киббуцианство — это удивительная попытка осуществить в наши дни древнюю мечту людей о справедливом общественном устройстве, об идеальном обществе равных, другими словами, мечту о коммунизме. Киббуцианская идея пришла в Израиль из России, ее пионерами были русские евреи. И возникли первые киббуцы в годы, когда начиналась русская революция. Но путь был пройден другой, совсем другой.

Каков был это путь? К чему он привел? Что такое современный израильский к и б б у ц?

Вот я в первом киббуце. Он называется С а а д и расположен в Северном Негеве.

У въезда в усадьбу я увидел несколько рабочих в синих комбинезонах, которые что-то делали на площадке, уставленной тракторами и комбайнами. Пока мой спутник, привезший меня сюда, выяснял, в какую сторону нам следует ехать, я с удивлением заметил, что все рабочие носят е р м о л к и — маленькие белые шапочки, пришпиленные к волосам булавками. Я знал, что ермолка, или, как ее еще называют, «кипа», — это верный признак, отличающий человека не только верующего, но и «практикующего» иудейскую религию. Мое удивление, видимо, отразилось на моем лице, так как мой спутник вдруг сказал:

— Не удивляйтесь, киббуц Саад — религиозный киббуц.

— Но ведь киббуцы — социалистические или даже коммунистические общины. Ветхозаветный иудейский Бог уживается с социализмом?

— Это Израиль. Здесь многое смешалось, переплелось, в том числе и самые противоположные вещи. Впрочем, религиозных киббуцев в Израиле мало, кажется, всего пятнадцать из общего числа в примерно двести пятьдесят поселений. Во всех остальных киббуцах живут сторонники левых идей и левых партий, и они, как правило, атеисты.

Однако члены киббуца Саад, с которыми я разговаривал в тот же день, рассуждали об этом вопросе несколько иначе, чем мой спутник.

— Разве то, что принято считать социалистическим идеалом — равенство и социальная справедливость, древнее иудаизма? — спросил ме-

ня пожилой человек, один из основателей религиозного кибуца. — В Танах, в речах иудейских пророков содержится и социализм. Уже Иосиф, правивший Египтом, был в некотором роде социалистом и проблему продовольствия в голодные годы разрешил методами государственного социализма. Так что нет никакого противоречия между организацией коммуны, в которой все равны, и строгим исполнением предписаний еврейской религии. Мы здесь все люди разные, но в своем отношении к Богу мы единомышленники. От других кибуцев нас отличает именно это. Ведение хозяйства и принципы управления во всех кибуцах одинаковы, но вот у нас построена синагога, а в других местах строят клубы, театры, спортивные залы. В синагоге мы не только молимся, но и ведем дискуссии о Раши и Рамбаме, о спорных вопросах в толковании Библии и Талмуда, а в левых и ультралевых кибуцах вы услышите лекции об учении Маркса, о Ленине, о современных проблемах социализма. Все это Израиль, удивляться не нужно.

Но мог ли я не удивляться? Поводов для удивления было слишком много.

Я побывал в семи разных кибуцах в разных районах страны. В одном из них — Эй н А х о р э ш — на севере Израиля, я прожил несколько дней. Что же я увидел?

В какой бы кибуц я ни приезжал, мне показывали одно и то же. Прежде всего просторный цветущий сад с экзотическими деревьями и растениями, с зелеными полянами, застроенными маленькими, уютными домиками по три или четыре в ряд, перед каждым из них небольшая терраса и свой крохотный садик, засаженный кактусами и цветами. В этих домиках живут члены кибуца, у каждого свой домик, точнее, своя отдельная квартирка, как правило, небольшая, чаще всего двухкомнатная, обставленная по вкусу хозяина. Квартирки все современные, с ванными и санузлами, но без кухонь — их заменяют небольшие газовые или электрические плиты, установленные в прихожей, в нише коридора. Необходимости в своей кухне, как мне объяснили, не ощущается, во-первых, потому, что кибуцники обычно питаются в столовой кибуца, где пища не отличается от домашней, а во-вторых, еще и потому, что дети не живут в этих квартирках вместе с родителями, а в отдельных, прекрасно оборудованных домах-интернатах, расположенных поблизости в том же общем саду. Каждый из этих интернатов рассчитан на определенный возраст, год за годом дети переходят из одного дома в другой, и так вплоть до своего совершеннолетия.

Потом мне показывали общественные постройки — столовые, библиотеки, мастерские, площадки для игр и спортивных занятий, клубы с просторными зрительными залами, вертящимися сценами и другим современным оборудованием. Эти постройки поражали иногда своими размерами, ультрасовременной архитектурой, фресками и скульптурами, созданными местными художниками-любителями.

Следующими объектами для осмотра обычно были небольшие фабрики, мастерские, лаборатории, существующие в каждом кибуце и производящие самые различные изделия — от бочкотары и мебели до электронных схем и фармацевтических товаров. Индустриальный сектор в кибуцах стал необходимым после того, как сельскохозяйственное производство себя исчерпало, оно давно ведется интенсивным способом; и так как земельных резервов нет, появилась индустрия, которая развивается вполне успешно, хотя и создает множество проблем.

Все это, а также сильное впечатление, которое производили высокий уровень техники, используемой в кибуцах, рациональная организация всех работ и достигнутые результаты, особенно в сельхозпроизводстве — надой молока с коровы доведен здесь до десяти и даже одиннадцати тысяч литров в год, — условия коллективного быта, качество пищи в столовых и многое другое делали поездки в кибуцы несколько похожими на футурологические экскурсии. И первая мысль была: вот оно, простое и ясное доказательство правильности коммунистической идеи, ее полной осуществимости. Эти поселения очень похожи на то, что описано в социалистических утопиях. Выходит, что эти утопии осуществились в легендарной Стране Обетованной, о которой в Библии говорится, что она уже в древности «текла молоком и медом»?

Я, конечно, понимаю, что нужно не только видеть кибуцианские сады, дышащие благовониями и похожие на оазисы, уцелевшие после исчезновения с лица земли библейского Эдема, но и понять, какая в них идет жизнь, каковы их обитатели. Создав эти сады и завидное сельское хозяйство, кибуциники сумели поднять человеческие отношения на новую ступень и добиться истинного равенства?

Вместе с этими вопросами возникли у меня и первые сомнения. Сомневаться я стал как раз после того, как убедился в материальных успехах кибуцев, в том, что каждый член этих поселений, не обладая личной собственностью и имуществом, обеспечен до конца своих дней всем необходимым на приличном уровне, зачастую на более высоком, чем многие жители Израиля, проживающие в городах. Основой моих сомнений была одна-единственная статистическая цифра, о которой я узнал, знакомясь уже с первым кибуцем: израильские кибуцы охватывают не больше трех процентов населения Израиля, в них живут всего лишь около ста тысяч человек, и это число давно не растет. Тут сразу же возникал вопрос: почему такой малый процент после столь больших успехов? Это ведь не какой-нибудь единичный эксперимент типа Нью-Ланарка, учрежденного Робертом Оуэном в Англии на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого столетий? Не похоже это и на пестрые, хаотичные коммуны, возникшие в России после Октябрьской революции. Кибуцианское движение — массовое движение, существующее уже свыше семи десятилетий. Оно хорошо организовано, имеет свои школы, свою печать и даже свои университеты. Труд кибуциников лежит в основе современного Израиля в первые десятилетия существова-

ния государства, выходцы из киббуцев часто занимали в нем высшие должности. Почему же все это не получило дальнейшего развития, почему только три процента, почему пример поселений равных не заразил все сердца?

Уже при знакомстве с первым киббуцем я убедился, что это действительно коммуна, в которой все равны. Система управления очень проста: раз в году на общем собрании избираются комиссии, управляющие разными секторами — производством, вопросами труда, финансами, бытом, отдыхом. Избираются координаторы комиссий, а также координатор всего киббуца. Но и каждую неделю происходят общие собрания, на которых обсуждаются все мало-мальски важные вопросы и принимаются решения. Основной принцип управления — абсолютное равенство всех членов коммуны.

Все это говорили мне в каждом киббуце. Но разве мог я забыть опыт и практику «реального социализма»? И потому я стал, конечно, расспрашивать своих собеседников, в чем заключаются привилегии координаторов и других «руководящих» лиц киббуца. К стыду своему, я вскоре убедился, что мои собеседники чаще всего даже не понимают, о чем я говорю; миру, в котором они жили, было чуждо понятие «привилегия».

— Какие тут могут быть привилегии? — спрашивали меня. — Руководителям комиссий приходится работать лишние часы, и даже, если кто-нибудь из них временно освобожден от своей основной работы, это его не радует — работа в комиссиях требует больше сил и времени, чем любая другая, никто не соглашается состоять в комиссии больше года.

Мне пришлось отказаться от всяких аналогий и признать, что мир киббуцев не похож на миры, которые я знал. Отличался он прежде всего тем, что был основан на строгой добровольности, на возможности покинуть его в любой момент; дети, рожденные и воспитанные в киббуце, по достижении совершеннолетия свободно решают, остаются ли они в нем или уходят в другую жизнь. Все это было просто и понятно, но еще не давало ответа на вопрос: каков, в сущности, этот мир? Ответ надо было, по-видимому, искать в конкретных людях. И я стал присматриваться к людям.

Очень помогло мне то, что я всюду встречал людей, еще не забывших русский язык, хотя они и покинули Россию много десятилетий тому назад. Все, что я видел, узнавал в киббуцах, то и дело уводило к мыслям о России, к русскому революционному движению, а также к мыслям Толстого, которые тоже сыграли не последнюю роль в киббуцианском движении. Но, Боже, какими извилистыми путями шел израильский социалистический эксперимент. И каким мучительным было постижение израильскими киббуцниками всего того, что произошло в Мекке их социалистической веры.

Когда Бен Саул, маленький, седой, с уже согнутыми плечами киббуцник, привел меня в свою чистенькую квартиру, то он первым делом показал мне свою русскую библиотечку, в которой выделялись красные томики третьего Собрания сочинений Ленина. Бен Саул родился в Одессе, и, хотя его вывели оттуда еще ребенком, он не забыл русский язык, усовершенствовался в нем в зрелые годы и всю жизнь читал русские книги, особенно политическую литературу на марксистские темы, потому что всю жизнь оставался сторонником социалистических идей и активистом левой фракции израильской партии труда. Он, однако, не закрывал глаза на действительность, на все то, что случилось на его веку как в России, так и в Израиле, и, разумеется, в родном киббуце, к которому он принадлежал с самого его основания.

Бен Саул показал мне все, что полагается показывать приезжему: великолепную новую столовую поселения и еще более великолепный, лишь недавно законченный театр, в котором в тот час, когда мы в него заглянули, шла репетиция оперы, готовящейся к постановке певцами и музыкантами-любителями из ближайших двух киббуцев. Потом мы осмотрели археологический музей киббуца, где на полках были выставлены обломки статуй, амфор и строений, найденных в окрестностях, вещественные доказательства хорошо известного археологам факта: стоит копать землю Израиля в любом месте, как можно обнаружить следы богов, демонов, культур пятидесяти народов, которые по очереди приходили завоевывать эту землю. Осмотрели мы и художественную мастерскую, которой пользуются и молодые, и старые киббуцники, ощущающие тягу к живописи, скульптуре, керамике. Мы побывали и в собачьей лечебнице, а также на ферме животных, за которыми ухаживают дети киббуца, учась жалости к младшим братьям человека и ответственности за порученное им дело. Заходили мы с Бен Саулом и в компьютерную киббуца, куда стекаются и регистрируются все сведения о производимых работах и ведется вся бухгалтерия хозяйства.

Мы гуляли по киббуцу в тот субботний послеобеденный час, когда дети и внуки приходят к своим родителям и дедам; из открытых окон и веранд, из садиков, прилегающих к каждому жилимому домику, доносились веселые голоса и смех. История всего того, что я видел, начиналась в изложении моего спутника с воспоминаний, которые я слышал и в других местах: основатели киббуца начинали с нуля, жили в палатках на голом песке, рыли первые колодцы, сажали первые деревья. Все начиналось с упорного, фанатичного, многолетнего труда, который в конце концов превратил песчаные дюны в цитрусовые сады, исторг из песка и каменной хлеб, фрукты, овощи. Когда в начале века, рассказал Бен Саул, в Палестину прибыли люди так называемой «второй алии», то есть второй волны иммиграции, эта земля была турецкой провинцией, она была нищей, веками запущенной, почти бесплодной, и господствовали на ней феодальные порядки. «Вторая алия» прибыла из России, это были юноши и девушки из «черты оседлости» Российской империи, среди

них много учащихся старших классов и студентов, подвергавшихся гонениям со стороны царских властей за свои симпатии к революционному движению России. Они не были приучены к тяжелому физическому труду, и это тоже стало одной из причин, почему они избрали для себя путь коллективного труда. В свое время русские интеллигенты шли «в народ». Еврейские интеллигенты начала двадцатого века поставили себе задачу создать трудовой народ, причем свободный от эксплуатации и объединенный в коллективных общинах. В 1910 году десять парней и две девушки, выходцы из России, положили основу сельскохозяйственной коллективной общины в долине Иордана, на берегу Галилейского озера. Это была «Дгания» — первое киббуцное поселение, «матерь киббуцев». Тогда же вышел перевод с русского книги о толстовских коммунах «Криница».

Затем Бен Саул заговорил о принципах организации киббуцев и повторил то, что я уже знал, — об отсутствии денег и личного имущества, о строгой добровольности, о доверии и поочередном занятии всех должностных мест. Коллективная воля тоже никому не навязывается, каждое решение дебатруется так долго, пока с ним не соглашаются все.

Бен Саул не упрощал и не скрывал проблемы киббуца. Он сказал, что добровольности недостаточно, если бы дело ограничивалось восьмью часами ежедневного труда, не было бы киббуцев. Нужна полная отдача, нужна любовь к киббуцу, преданность его идеям.

— Проблема киббуца, — сказал он, — это проблема одной большой семьи. Интересы семьи тоже не всегда совпадают с интересами отдельных ее членов, но в дружной семье это преодолевается. Если киббуцники не будут вести себя, как члены одной семьи, поселение развалится.

— А это получается? — спросил я.

— Вы же видите: многое получилось, мы многого достигли. Но в последнее время парадокс развития киббуцев в том, что интересы маленькой семьи иногда подтачивают большую...

— То есть как это?

— Очень просто. Все чаще во многих киббуцах ведутся жаркие дискуссии о том, следует ли держать маленьких детей отдельно от родителей. Матери хоть и живут рядом и всегда имеют доступ к своим детям, все же хотели бы, чтобы дети были дома. Замечено, что после десяти лет дети прекрасно адаптируются к условиям интерната и вырастают более здоровыми и спокойными, чем в домашних условиях. Но с маленькими детьми есть проблемы. С большими людьми тоже есть проблемы, — добавил Бен Саул улыбаясь. — У нас существует даже должность секретаря по н е б л а г о п о л у ч и ю, занимающегося личными проблемами киббуцников, которые к нему обращаются за помощью. Случаи, проблемы бывают самые разные, человеческая натура сложна.

В этом месте рассказа я спросил:

— Значит, не удалось создать особый тип человека, способного жить гармонично в коммуне?

— У нас была не одна, а две цели. Во-первых, создать страну, в которой мы могли бы себя чувствовать дома, ведь нам давно надоело вечно раздвигаться, ощущать, что ты не такой, как окружающие. Не забывайте, что основатели первых киббуцев приехали из царской России с ее погромами и «черной сотней». Они не верили, что социалистическая революция сможет в обозримом будущем разрешить еврейский вопрос. И вот одну идею, одну цель мы осуществили — родной дом есть, он принял уже многих гонимых, двери его раскрыты. Да, это осуществилось...

— А социализм?

— Тут все оказалось сложнее. Киббуц — это, конечно же, социалистическая, даже коммунистическая ячейка, почти такая, как она была описана в социалистических утопиях. Помните сны Веры Павловны в романе Чернышевского «Что делать?»? Мы их осуществили. И у нас более интенсивное земледелие, чем даже в Соединенных Штатах. И с каждым годом мы становимся богаче. Но оказалось, что и тут кроется опасность.

— Благосостояние опасно?

— Во всяком случае, оно создает неожиданные проблемы. Поскольку каждый дунам нашей земли дает практически все, что мы желаем, отпадает необходимость, чтобы все члены киббуца занимались земледелием. Надо им подыскивать другие занятия, создать в киббуцах промышленные цеха. В нашем киббуце уже есть две такие маленькие фабрики: одна производит пластмассовые изделия, другая — медикаменты. Но современная промышленность требует высокой квалификации. Нужны специалисты, и мы вынуждены нанимать их на стороне. Между собой мы все равны, польза всех совпадает с пользой каждого, но по отношению к рабочим и специалистам, приезжающим сюда только работать, киббуц — работодатель со всеми вытекающими из этого последствиями: спорами о зарплате и условиях труда, наличием прибавочной стоимости и эксплуатации. Совместимо ли это с социализмом? Мы уже и так превратились в некие островки благосостояния, киббуцники живут сегодня лучше, чем многие жители Израиля. Но это нас не радует. Мы чувствовали себя лучше, когда у нас ничего не было, кроме веры в свое дело. Она согревала сердца. В первые годы киббуцники не имели даже своей одежды, своего личного белья и брали это, как пищу, из общего котла, после стирки и починки. Выходит, что это и был настоящий коммунизм? Вы видели наши квартиры. Есть уже киббуцы, где поговаривают о покупке личных автомашин. Заграничные поездки за счет киббуца практикуются уже давно и никого больше не удивляют. А в первые годы — тяжелый сон после изнурительного десяти- и двенадцатичасового труда под палящим солнцем, вот и весь отдых.

На лице Бен Саула блуждала какая-то странная улыбка. Томила ли

его грусть воспоминаний или мучили сомнения, присущие, как я уже понял, многим киббуцникам?

После паузы он продолжал:

— Когда мы начинали, мы надеялись, что покажем пример и вся страна станет социалистической. Этого не случилось. Киббуцы давно перестали расти. Одни говорят, что прекращение роста есть признак совершенности. Другие, что это всего лишь признак успокоения, насыщения. Кто прав? Молодые люди, родившиеся и воспитанные в киббуце, нередко от нас уходят, как только достигают совершеннолетия; наша жизнь их больше не удовлетворяет, у них другие желания и потребности. Потому ли это, что жизнь наша стала благополучной и веру неизбежно затягивает илом? Или это связано с тем, что произошло во всем мире с социалистической идеей? Что случилось с ней в России, вы там живете, вы не могли бы объяснить?

— А что вы сами думаете о России?

— Я был там два раза в шестидесятых годах, когда еще существовали дипломатические отношения между Советским Союзом и Израилем.

— И каковы ваши впечатления?

— Очень странные... Во время первой поездки я виделся в Москве со своим братом. На это свидание он приехал откуда-то из Сибири, его туда выслали, а когда срок кончился, он там осел. Самое тяжелое впечатление произвел на меня его страх. Такого я в жизни не видел. Он боялся разговаривать, все время оглядывался и весь дрожал. Только один раз мы поговорили по душам, представьте себе, в ГУМе. Кругом шум, гам, очереди, но мой брат перестал дрожать, он считал, что в таком бедламе никто нас не услышит. Разговор в ГУМе не раскрыл мне смысла того, что произошло в России, а только усилил мое удивление. Побывал я и у других родственников-москвичей и видел то, что они называли к о м м у н а л к а. Это сон, кошмар: пятьдесят женщин стояли у пятидесяти столов на кухне и стряпали пятьдесят разных кушаний среди дыма, чада и какой-то всеобщей перебранки... Моя вторая поездка, когда я ездил в Советский Союз в составе профсоюзной делегации, ничего не прояснила, а еще больше меня запутала. Очень запомнилась наша провожающая Ниночка, бодрая, самоуверенная и по-детски наивная молодая особа, воображавшая, что она очень ловко обводит нас вокруг пальца своими категорическими утверждениями. А нам было неловко за нее, ведь у нас были не только уши, но и глаза. Приехав в Киев, мы ей сказали: «Завтра, Ниночка, мы поедem в Бабий Яр». «Что? — воскликнула Ниночка. — В Киеве нет никакого Бабьего Яра. Откуда вы это взяли?» «Хорошо, мы позвоним в горком и в цeka и выясним». «Не надо! — всполошилась Ниночка. — Я сама справлюсь». Оказалось, что в Киеве все же есть Бабий Яр. А еще до Киева мы были в Ленинграде. Замечательно красивый город. Вот бронзовый Петр мчится на бронзовом коне. «Ниночка, можно его сфотографировать?» «Конечно, можно. У нас все можно фотографировать, кроме, разумеется, военных объектов». Через полчаса мы уви-

дели на Невском какую-то огромную очередь, и Ниночка сразу предупредила: «Прошу вас не фотографировать». — «Почему? Это военный объект?» «Нет, но вы покажете у себя дома, и там скажут, что у нас есть очереди». — «Но они же есть!» — «Да, то есть нет, фотографировать нельзя...» Когда Ниночка узнала, что мы кибуцники, и ей объяснили, что это социалистические коммуны, она посмотрела на нас, как на глупых детей: «Какой у вас там может быть социализм, в буржуазной стране? Вот поедем в колхоз, и вы увидите социализм». Мы поехали в колхоз. И даже в один из лучших: имени Ленина, под Киевом. У входа в столовую стояла женщина с тазом и кувшином и лила воду на руки тех, кто решил перед едой помыться. «У вас нет водопровода, крана?» — спросили мы. «Есть, но он как раз теперь в ремонте». После обеда мы гуляли по колхозу и с удивлением увидели, что на делянках рядом с домами колхозников растут великолепные помидоры и огурцы, а чуть дальше, в поле, картина совсем другая. Среди сопровождающих нас был человек, который пытался нам объяснить, что такое колхоз, но мы его не поняли. То, что он рассказал о колхозных делах, поражало своим абсурдом, бессмыслицей. Правда, все это было давно, в шестидесятых, и теперь, вероятно, изменилось. Советские люди уже поняли суть социализма?

...А Бен Саул, проживший сорок лет в кибуце, его понимал?

Еще один старый кибуцник из другого поселения. Совсем другой тип, чем Бен Саул, хотя между ними было и много общего. Имя второго кибуцника — Бен Шломо. Он сочетает свою принадлежность к кибуцу с политической и дипломатической работой и дважды уже был послом Израиля в двух разных странах. В перерывах между своими дипломатическими командировками он возвращался в свой родной кибуц: надевал рабочий комбинезон и снова становился таким же кибуцником, как и все остальные.

Один из основателей государства, Бен Гурион, тоже был кибуцником. Когда плавание по бурным водам маленького израильского политического моря, в котором ураганы и штормы возникают чаще, чем в океане, вынуждало его передавать штурвал государства в другие руки, Бен Гурион тоже возвращался в свой кибуц, в Негев. Мне об этом рассказывали все мои добровольные гиды в кибуцах. Никто, однако, ничего не сказал мне о другом: рабочий комбинезон кибуцников, исполняющих время от времени роли министров, полномочных послов и генералов, выражает их глубокий демократизм или он сродни простоте монашеской рясы, облегчавшей в известные времена путь к власти? Политики, члены кибуцев, истинные товарищи и единомышленники тех, кто в застиранных штанах, взятых из «общего котла», обливаясь семью потоами, исторгал из песчаных дюн первый израильский хлеб, или главное в их жизни — это волнение и суета политической карьеры, участие в правительственной власти?

В последние годы оказалось, что, как бы успешно ни шли дела внутри киббуцев, их конечное благополучие зависит от общего положения дел в стране, от ее финансового равновесия и даже от биржевой игры. Когда в Израиле развилась бешеная инфляция, киббуцы потеряли много денег и залезли в долги. Рассказывая об этом, один старый киббуцник, ветеран движения, горестно говорил:

— Киббуцы ведь нельзя уподобить отшельникам, которых было так много в горах и долах Палестины. Мы органически связаны с остальной страной, и у нас не может быть своей, особой судьбы. Но израильский киббуцник все же особый тип. В его характере и поведении, в его психологии выражены и сила, и слабость всего движения. А в биографиях киббуцников больше истины о социализме, чем во многих книгах, написанных учеными. Хотите, я дам вам несколько примеров? На первый взгляд они парадоксальны, но ведь сама истина тоже парадоксальна.

Слыхали ли вы о Мордехе Орене? — продолжал мой собеседник. — Благодаря некоторым печальным обстоятельствам его имя в свое время обошло всю мировую печать. Он был одним из самых воинствующих израильских сталинистов и свято верил в возможность сочетать сталинизм с израильским патриотизмом. В сорок восьмом году Орен поехал в Чехословакию по приглашению чешских коммунистов и приехал туда как раз к началу сталинской кампании против космополитизма, титоизма, сионизма и других привидений, борясь с которыми Сталин и утверждал свою единоличную тиранию. И вот Орена, фанатичного сталиниста, объявили шпионом и приобщили к делу Сланского, который тоже был, конечно, не врагом Сталина, а его послушным орудием. Сланского повесили, а Орена осудили на много лет каторги, но после смерти его московского кумира освободили, и он вернулся в Израиль. И оказалось, что даже личный опыт не изменил его взглядов, все пережитое в сталинских застенках сошло с него как с гуся вода, он еще потом долго пописывал статейки в старом духе, как будто ничего не произошло. Почему? Это проблема, которую можно дебатировать, но важно другое: в сердцах большинства израильских левых соединение большевизма, сталинизма с сионизмом дало трещину только после смерти Сталина, и она уже не исчезла. В первые годы она зияла на глазах у всех. Дело принимало иногда анекдотический оборот. Смерть Сталина в марте пятьдесят третьего совпала с веселым еврейским праздником Пурим, но в киббуцах отменили гулянья и пуримские карнавалы и отметили кончину современного Амана примерно так, как религиозные евреи отмечают Тиша-бэав — день уничтожения Иерусалимского храма.

Рассказал мне тот же ветеран киббуца и о другом, ныне уже покойном, но еще не забытом в левых кругах Израйла человеке, которого звали Иосиф Бергер — Барзилай, что означает «железный». В двадцать девятом году Иосиф Бергер, секретарь компартии, солидаризировался с тогдашним иерусалимским муфтием и призвал евреев-коммунистов покинуть Палестину. Несколько сотен человек последовали этому призыву

и отправились в Советский Союз. Все они позднее погибли. Их родственники ездили в Москву после смерти Сталина и нашли только двух-трех вдов, остальных поглотил ГУЛАГ. А с самим «железным» Иосифом Бергером случилось следующее. В тридцать первом году он тоже уехал из Палестины в свою мекку. В Москве он сначала закономерно занял высокую должность главы Средне-Восточного отдела Коминтерна, а четыре года спустя столь же закономерно был объявлен шпионом и врагом народа, после чего провел двадцать лет в тюрьмах и лагерях, дважды приговаривался к расстрелу. Однако в сумасшедшем мире ГУЛАГа тоже случались чудеса. Бергер не был расстрелян. Он пережил Сталина, вышел на свободу, вернулся в Польшу, а оттуда — в Израиль.

— Я видел его после возвращения с того света, — сказал мой собеседник с какой-то не свойственной ему усмешкой. — Меня, как и других людей, знавших Бергера, поразило, что «железный» вернулся старичком с бородкой клинышком, без всякого железа в сердце; вернулся мягкий, добрый старик, который отстранился от всякой партийной деятельности и только писал иногда статьи, опубликовал также две книги, в которых утверждал, что он остался марксистом, но марксизм не в состоянии объяснить того, что произошло в первой в мире марксистской стране. Расскажу вам и эпилог этой истории. Под конец жизни «железный» стал религиозным, его часто видели в одной из тель-авивских синагог. Объясняли это тем, что в России в ожидании расстрела он будто бы дал обет, что если останется жив, то будет поститься и ходить в синагогу. Не знаю, так ли это было на самом деле, но фактом остается то, что Иосиф Бергер, скончавшийся год тому назад, умер как правоверный еврей. Его даже называли «набожный ленинец». Надо ли было сидеть двадцать лет в тюрьмах и лагерях, чтобы вернуться в синагогу?

Мой собеседник сделал паузу, потом неожиданно сказал:

— Надо! Надо!

После новой паузы он продолжал:

— Проблем, как видите, много, даже слишком много. В этой стране все не так, как у других. Но, может быть, это и хорошо. Таковы мы. Надо это не только понять, но и принять. Есть у нас еще проблема Гистадрута — так называется наша генеральная конфедерация профсоюзов, мощная организация, управляющая не только профсоюзами, но целой сетью фабрик и заводов. Гистадруту удалось потеснить частный капитал, но не удалось сделать так, чтобы на принадлежащих ему предприятиях труженик чувствовал бы себя иначе, чем на частной фабрике, ощутил себя подлинным хозяином. Рабочие, занятые на фабриках Гистадрута, несколько лучше обеспечены, вот и вся разница, ничего другого сделать не удалось. Разве это социализм?

— А почему не удалось?

— Эту проблему члены профсоюзов часто дебатировали и множество раз ставили ее перед руководством Гистадрута. Однако там относятся к этому с полным безразличием. Руководство рассуждает по-своему...

— Значит, у вас есть «руководство», обособленная группа чиновников? Так ведь это одна из характеристик «реального социализма».

— Нет, нет! — запротестовал мой собеседник. — У нас все же не так, как у вас. Совсем не так.

— Почему? Только потому, что ваше «руководство» еще не имеет пока власти над всеми предприятиями?

— И никогда ее не получит! — сказал мой собеседник.

В этом он, вероятно, был прав. Политические позиции и влияние израильской партии труда, а также Гистадрута пошатнулись в последние годы. Что же касается киббуцев, то, разговаривая о них с израильтянами, которые в них не живут, я не раз видел скептические улыбки на лицах своих собеседников. Все признавали материальные успехи киббуцев — вместо первоначальной бедности в них царит теперь довольство, вместо изнурительного ручного труда там теперь самая лучшая техника, вместо строгой уравниловки свобода придерживаться личных вкусов в быту. И все же эта жизнь мало кого прельщает. Кое у кого она вызывает даже неприязнь. Одни называют киббуцы новым гетто или «гетто богачей», другие обвиняют их в том, что они изолировали себя от остального Израиля, третьи говорили, что эти новые богачи — эксплуататоры и живут за счет государственных субсидий. Соответствует ли все это истине?

В киббуце Эйн Ахорэш, где я провел несколько дней, я почти все время находился в обществе стариков. Тип киббучника-старика тоже совсем особый тип. Как правило, он продолжает работать, несмотря на возраст, иногда лишь несколько часов в день и обычно ту работу, которую выбирает сам, но без дела он не сидит. Уже после пятидесяти лет киббучники имеют право сокращать свой рабочий день, что отнюдь не ведет к безделью. Здесь господствует убеждение, что всякая активность, как физическая, так и духовная, лучшее средство для продления жизни, действующее эффективнее, чем любые медикаменты современной геронтологии. Нигде в Израиле не видел я столь бодрых и всячески занятых стариков весьма преклонного возраста.

— У меня нет времени, — говорил мне восьмидесятилетний Иосиф из Эйн Ахорэш. — Буквально ни минуты свободного времени. Я всегда занят, потому что меня многое интересует. Я, например, много читаю. Я собираю анекдоты и острые слова, у меня уже накоплен материал для целого сборника. Еще я работаю в ателье, где изготавливают игрушки. Я делаю тонкие замысловатые игрушки — и детские, и такие, которые годятся для восьмидесятилетних. Еще я слушаю лекции...

— Из того, что мне за восемьдесят, — сказал Якоб, член того же киббуца, — можно сделать заключение, что я старик и должен скоро умереть. Но можно сказать и другое: я старик, это факт; старость никогда не проходит, и это тоже правда. Но разве я не счастливый человек, что, дожив до нынешнего возраста, еще могу иногда работать, читать

лекции, писать, передавать другим мой жизненный опыт? Как же мне не радоваться?

Третий старик примерно того же возраста, Цви, худощавый, крепкий, неутомимо носящийся по аллеям усадьбы на велосипеде или пешком, показал мне не только все постройки и поля киббуца, но и кладбище, похожее на тенистый сад с мощными эвкалиптами, соснами и пышными цветниками.

— Видите, как близко отсюда до нашей усадьбы? — сказал Цви, широко улыбаясь и обнажая свои уже пожелтевшие, но все еще крепкие зубы. — Мой дом совсем рядом, так что я приду сюда сам, меня не нужно будет нести...

Три старика из Эйн Ахорэш были очень разными людьми: Иаков — эрудированный интеллект, бывший редактор журнала. Иосиф — молчаливый, задумчивый мечтатель. Цви — балагур, остряк, уповающий своими остроумиями и завидной энергией. Но все трое почти всю жизнь провели в киббуцах и горячо отстаивали этот образ жизни. Однако они не закрывали глаза на все время меняющуюся действительность.

— Когда мы начинали лет шестьдесят тому назад, — сказал Иаков, — нам всем было по двадцать — двадцать пять лет, и проблем не было. Теперь в киббуцах живут разные поколения, и на каждом шагу возникают проблемы. Бунт матерей, например, женщин, которые хотят, чтобы дети жили дома. И они потихоньку добиваются своего. А что сулит изменение системы образования детей киббуцу? Этого мы пока не знаем. Мы в свое время бунтовали против отцов, желая уйти от коммерции, от типа еврея — «воздушного человека», столь характерного для еврейского местечка начала века. А теперь наши дети бунтуют против нас и хотят иногда вернуться назад, разумеется, не в местечко, а в Тель-Авив, с его погоней за деньгами и другими прелестями современного большого города. Что будет с киббуцами завтра — кто ответит?

— Киббуцы будут жить, — сказал Цви. — Киббуц — это лаборатория. Люди вряд ли пойдут по этому пути, но это эксперимент, очень важный для всех, и последнее слово в нем еще не сказано.

— Мартин Бубер, самый известный израильский философ, — сказал Иосиф, — не раз писал о киббуцах. Он высказал мнение, что киббуц — это единственный коллективистский эксперимент, который не провалился. Он не сказал, что эксперимент удался, а только констатировал, что опыт не провалился, хотя прошло уже семьдесят лет. Надо, по-видимому, чтобы прошло еще семьдесят, тогда многое станет яснее...

— И в киббуцах будут жить уже не три, а пять процентов израильтян? — спросил я.

— Три процента населения, — спокойно сказал Иаков, — не значит, что наша доля в жизни страны тоже составляет только три процента. Мы даем двадцать процентов ее материального производства и большой процент ее духовного творчества. Вопрос этот не так прост...

Это я понимал, конечно: все не просто. Жизнь в киббуце и люди киббуца не раз напоминали мне сценки из утопических романов. Старый киббуцник Бен Саул не случайно вспомнил Чернышевского. Приснившиеся его героине сады и плантация, совместный разумный труд и совместные веселые трапезы — все это я видел воочию. Но, знакомясь со всем этим, я вскоре вынужден был вспомнить и героев Достоевского.

— Мы можем дать человеку много выгод, — сказал мне однажды ветеран движения. — Киббуц уже сегодня дает своим членам лучшую квартиру, чем он мог бы приобрести за стенами поселения, лучшую еду, лучшее образование. Только одну вещь киббуц не может дать — иллюзии. Выходит, что они дороже человеку, чем его выгоды?

Мог ли я не вспомнить «Человека из подполья»? И я спросил:

— А вы уверены, что рассчитали правильно все «выгоды»? С чего это вообразили, что человеку надо непременно благоразумного выгодного хотения? Человеку надо одного только самостоятельного хотения, к чему бы оно ни привело. Он может захотеть для себя нарочно, сознательно и чего-то вредного, глупого. Каприз может быть выгоднее всех выгод.

Мой собеседник смотрел на меня во все глаза. Видно было, что эта мысль его поразила и что она ему не чужда.

— Вы так думаете? — спросил он.

— Не я так думаю, а так думал Достоевский. И написал об этом за полвека до рождения первого киббуца.

Через несколько дней напомнила мне о том же герое Достоевского прелестная молодая девушка-датчанка, которую я встретил в коровнике киббуца Эйн Ахорэш, что может показаться весьма странным, хотя ничего странного во всем этом не было. В израильских киббуцах можно часто видеть молодых людей, главным образом студентов, приезжающих сюда со всего света поработать в уникальных коммунах, а заодно познакомиться с родившей их страной, вызывающей самые разные и противоречивые мысли и чувства в современном мире. Датчанка, которую я встретил в Эйн Ахорэш, была из Копенгагена, а ее напарник, с которым она работала в коровнике, — студент из Кейптауна.

Конечно, мне следовало бы сначала рассказать об этом коровнике, об удивительном коровьем «балете», который я там видел: коровы сами, вследствие механического открытия и закрытия разных перегородок, шли в доильную камеру, одна за другой, без всякого присмотра или поощрения, получая в пути положенный им гигиенический душ, а доильные аппараты не только отцеживали молоко, но тут же взвешивали и охлаждали его, тоже автоматически, без прикосновения человеческой руки и с передачей информации о каждой продланной операции в центральный компьютер киббуца, где она заносилась в «дело» или «досье», каждой коровы. Ну и т. д. и т. п. Но, поскольку я некомпетентен судить о таких вещах, скажу лишь, что ничего подобного мне не приходилось прежде видеть, и перейду к разговору с молодыми людьми, приехавшими

сюда издалека. В этом разговоре меня поразило то, что после многих похвал в адрес киббуца, им все в нем нравилось, на мой вопрос хотели бы они такой жизни для себя, оба, не задумываясь, ответили: «О, нет!» «Но почему? Вы же сами говорите, что вам здесь нравится.» «Да, конечно, — сказал юноша из Кейптауна. — Здесь очень мило, все организовано хорошо, разумно, молодежь живет интересно, не испытывает ни в чем недостатка, они даже могут каждые несколько лет ездить за счет киббуца за границу...» «Да, каждые несколько лет, — сказала датчанка и, озорно блеснув глазами, добавила: — Ну, а если я хочу ездить каждый год? Да мало ли еще чего я могу захотеть! Понимаете? Я, может быть, откуда и не поеду, но я должна знать, что мои желания зависят только от меня. Вы поняли, почему жизнь в киббуце лично мне не подходит?»

Еще бы! В облике прелестной девушки в рабочем комбинезоне передо мной стоял все тот же угрюмый, одичалый герой Достоевского, который в своем неудобном петербургском «подполье» ясно осознал, что существует нечто такое, что почти всякому человеку дороже самых лучших его выгод: собственное, вольное и свободное хотение, даже собственный каприз, своя фантазия — самая выгодная для него выгода. Казалось бы, что благосостояние и обеспеченность — это уже достаточный аргумент, который должен был бы привлекать в киббуцы тысячи и тысячи. Но вот только три процента.

Какой же вывод можно сделать из всего этого? Признать, что только три процента обычных, «нормальных» людей пригодны для жизни в коллективном устройстве, основанном на идее равенства? Смириться с коммунизмом для трех процентов и перестать придумывать способы идеальной регламентации, которая распространит разумный образ жизни на всех?

...Мне было грустно расставаться с миром киббуцев, с его цветущими садами, уютными домиками, просторными столовыми, залами, полными оживленного говора и смеха после трудового дня. Со спокойной, крепкой, закаленной молодежью киббуцев. И со стариками — основателями движения, которые на своем веку все видели, через все прошли и, доживая теперь в тишине и благополучии свои негигиенические жизни, продолжают волноваться и спорить о тех же вопросах, с которых они начинали свой путь.

Расставание с киббуцами было печальным. Печаль утраты еще одной иллюзии? Уяснение вопроса — единственный бесспорный вывод моей поездки? Можно считать киббуцы еще одной конечной станцией на тяжелом, труднопроходимом и бесконечно длинном пути, ведущем к истине, достоверности и социальной справедливости, по которым тоскует человеческое сердце?

СОДЕРЖАНИЕ

Земля	3
Мертвое море	6
Море Галилейское	12
Иерусалим	21
Киббуц	33

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Илья Давыдович

ТАЙНА ЗЕМЛИ ОБЕТОВАННОЙ

Редактор Л. А. Верина

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 18.04.91. Подписано к печати 25.05.91. Формат 70 × 108¹/₃₂.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,21. Тираж 90 000 экз. Заказ № 418.
Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП,
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

**В СЕРИИ БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 1991 ГОДА
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

- О. МАНДЕЛЬШТАМ. «Четвертая проза»;
Е. РЕЙН. «Непоправимый день»;
В. НИКОЛАЕВ. «Горсовет по-американски»;
С. ЛИПКИН. «Угль, пылающий огнем»;
Г. АКСЕНОВА. «Театр на Таганке: 68-й и другие годы»;
И. ЭРЕНБУРГ. «Неправдоподобные истории»;
Л. ЧУКОВСКАЯ. «Сверстнику»;
Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. «Бессонница»;
К. БАЛЬМОНТ. «Где мой дом?»;
Ю. КАРАБЧИЕВСКИЙ. «Незабвенный Мишуня»;
В. РЕЦЕПТЕР. «До третьего звонка»;
Б. ЗАЙЦЕВ. «Братья-писатели»;
М. КВЛИВИДЗЕ. «Продолжение следует»;
Г. БЕЛАЯ. «Затонувшая Атлантида»;
А. АНАНЬЕВ. «Конец опричнины»;
Б. ПЕТРОВСКИЙ. «Два человека — одно сердце»;
В. СЕЛЮНИН. «Все у нас получится»;
Н. ЗАБОЛОЦКИЙ. «История моего заключения»;
В. КОСТИКОВ. «Сумерки свободы»;
Е. ДОБРОВОЛЬСКИЙ. «Заполярные ангелы»;
А. ПЬЯНОВ. «Утренние птицы»;
Г. РОЖНОВ. «Всесоюзный розыск»;
А. БЕЛЫЙ. «Первое свидание»;
В. КОРАЛЛИ. «Куплетист из Одессы»;
Б. ОКУДЖАВА. «Приключения секретного баптиста»;
С. АНТОНОВ. «Петрович».